

ДМИТРИЙ МОРОЗОВ

ПУТЬ ВО МРАК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Морозов

Поход во мрак

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Морозов Д. В.

Поход во мрак / Д. В. Морозов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

При жизни моральные качества Эрика оставляли желать лучшего. Однако, кто он и для чего на этой земле, Эрик понял только после случайного, но не такого уж необходимого убийства, которое он совершил вместе со своей супругой. Этот день изменил молодую пару на всегда. Всё, чем они грезили теперь, это новым убийством. Но жизнь, а может и сама судьба, вмешавшись в эти планы, забрала его. Эрик умер? Вполне вероятно, но для Эрика жизнь после смерти только началась. Сможет ли он пройти свой поход от начала и до конца, вернуться к прежней жизни, нам и предстоит узнать... Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Морозов. Поход во мрак

Рутин

Хороших, солнечных дней этим летом было совсем мало, настолько мало, что, несмотря на то что лето на календаре перевалило за половину, Эрик хорошие, солнечные дни мог пересчитать буквально по пальцам. И когда этот день всё-таки выпадал, Эрик мог часами стоять напротив единственного окна в своей большой комнате и планировать убийство густо разросшегося дерева, что не давало ни единому лучу солнца и шанса попасть в его квартиру.

«Посмотрите, какое красивое дерево, это настоящий каштан. Будете тёплыми летними деньками открывать окно в комнату и вдыхать чистый воздух. И это несмотря на то, что живёте в самом центре города!» Грёбанный маклер, чтоб у тебя язва на языке вскочила – в бесчисленный раз послав проклятье маклеру, продавшему ему эту квартиру, Эрик покачал головой и, тяжело вздохнув, пошёл на своё любимое кресло.

Он погрузился с головой в мир вампиров и упырей очередного бестселлера, и проблема с деревом быстро померкла и ушла куда-то совсем далеко, но не забылась!

Спустя какое-то время зазвонил телефон, и монотонный звонкий рингтон бездушно вернул его в мир насущный. Эрик попытался добить последние пару строчек, но это уже было не то, звонкая мелодия не давала увидеть картинки текста.

Бережно отложив книгу на подоконник, посмотрел на экран телефона. «Жена».

– Алё, вы кто? – сухо промычал он.

– Жена, твою мать! – раздался крик из динамика, так что Эрик поневоле оторвал мобильник от уха на несколько сантиметров.

– Ты спал и тебе приснилось, что ты большой и красивый белый кот и впереди у тебя все девять жизней, да? – промурчал нежный голосок с того конца телефона.

– Деее, ага. Только я не спал, – прищурившись и широко улыбаясь, ласково ответил ей Эрик.

– А чем же ты, муж мой прекрасный, занимался?

– Думал.

– Значит, всё-таки целый день спал! – и звонкий, радостный смех разлился по всему полупустому залу, отражаясь от густо обвешанных картинами стен.

– Я вот тут думал...

– Во сне? – резво перебила его жена.

– Да, во сне, – наконец признался ей Эрик, что проснулся часа полтора назад. – Так вот, может, нам в поход сходить? Ну, ты знаешь, с палаткой, спальным мешком и всё такое, а, как думаешь?

– Ты меня разлюбил? – строго спросил голос. И тут же, смеясь, продолжил монолог. – То есть ты хочешь вытащить меня куда-то за город, где землю не покрывает асфальт и всюду эта, как там её? А, грязь под ногами? И, подожди, нету туалетки? А, и душа нет! Алё, ты всё ещё тут?

– Ну да, получается, что так, это я тебе и предлагаю. Мне кажется, прикольно будет, и я тут посмотрел – на выходных обещают солнечные дни.

– Ты сам посмотрел прогноз погоды? – прозвучал вопрос, лишенный всяких человеческих эмоций. – Я тебя очень люблю, ты должен это знать, ты же это понимаешь, да? Но, блин, поход, ты это серьёзно? Я не настолько, в общем, молода для такого.

– Тебе двадцать пять.

– Ну ладно, уговорил, я всё-таки ещё молодая и красивая. Даже слишком красивая для диких условий. Может, я после работы зайду в магазин и куплю какое-нибудь развратное нижнее бельё и устрою тебе дикие условия не выходя из дома?

– А что я там тебе до всего этого говорил вообще? – засмеялся Эрик.

– Вот и славненько, я пошла похоямчу свои котлеты в столовке. У меня, между прочим, обеденное время не резиновое. Увидимся через четыре часа. Целую, жена! – и громко чмокнула телефон.

– Жду тебя с нетерпением. Целую, муж! – и громко чмокнул ей в ответ.

Отложив телефон в сторону, Эрик снова взялся за чтение и вернулся в момент, где охотники стали добычей и теперь уже сами спасались бегством от стаи вампиров.

– Дурачье, все же знают, что первородных вампиров нельзя убить простым осиновым колом, как обычных. Ой, дилетанты! – улынувшись, вслух возмутился он, наблюдая за сюжетом строчка за строчкой.

Часа через полтора Эрик сварил себе четыре яйца, сделал чай с бутербродом и, наложив на блюдце творог из модной пачки, поставил его на пол прямо у холодильника. Едва порцелан стукнулся о паркетный пол, как тут же в соседней комнате что-то шлёпнулось на паркет и лениво побрело в его сторону, громко стуча когтями – словно слону нарастили маникюр и педикюр древнего и могучего животного.

Естественно, это был никакой не слон, в этом мире нет ничего необычного или сверхъестественного. Из двери лениво выполз совсем крохотный годовалый шпиц помпон. Который будто свысока посмотрел на своего слугу из-за своих длинных ресниц, а затем, опустив голову, громко потопал в сторону блюда.

– И тебе утречка! – заявил Эрик. Отложил полуочищенное яйцо и хотел было погладить Зверя, как тот весь напрягся и, не сводя глаз с блюда, украшенного яркими разноцветными бабочками, стал издавать разные звуки, в целом похожие на рычание.

– Да всё, всё, отваливаю я, – смеясь, вернулся Эрик к чистке яиц.

– Гррр...

– Да тебя уже давно никто не трогает, сам отвали, – и, поймав злой взгляд собаки, показал ему язык. Тот тут же уткнул морду в миску с творогом.

Следующий час Эрик посвятил своему обеду или, глядя на тарелку варёных яиц, залитых майонезом, всё ещё завтраку и планировал встретить свою супругу после работы и куда-нибудь с ней сходить.

В дверь кто-то громко и нетерпеливо застучал. Один раз, потом второй, а затем и третий. На что следовало ноль реакций с его стороны, лишь только насупился и пару раз про себя взвзгнул, вспоминая, как до недавних пор жил в «раёнчике», или, как теперь говорил сам Эрик, в «трущобах». Постоянно к нему в дверь кто-то ломился. То предлагали картошку, то свежую рыбу, то пылесос! Или самая беда была открыть дверь и увидеть парочку уродливых, грязных тёток в обносках и в лоб словить фразочку: «Давайте поговорим о Боге? А вы хотели бы жить в правовом государстве, где нет коррупции и политики не берут взятки?»

«Конечно нет, твою мать! Если бы всё было так, то всем пришлось бы учиться, а если все будут учиться, то кто будет работать?» – вспомнил вдруг, как он выпалил однажды тёткам, хлопая за собой дверь. После чего они, к счастью, перестали к нему ходить, а вот пылесосники нет. Постоянно пытались ему втюхать! Но тут его воспоминания прервал всё тот же рингтон на телефоне. «Жена».

– Прив...

– Ты дверь жене собираешься открывать или нет?

– А у тебя ключей, что ли, нет? – и тут молчание на другом конце провода ему всё сказало само за себя, и спустя две секунды Эрик спешно проворачивал ключ в дверном проёме.

– Привет, детка, ты чего так рано? Я тебя совсем не ждал, – и хотел было отвесить комплиментик по поводу своего безумного счастья, что всё же она пришла домой пораньше, но не успел.

– Что значит рано? То есть это я рано домой пришла? То есть это что, у тебя мало личного времени сегодня было? Ты меня разлюбил? Или подожди-ка, а что это ты на меня так смотришь? Ты не один дома? С бабой какой-то, да? – и, наспех скинув модные сапожки на каблучке, побежала в большой зал, по дороге заглянув в спальню.

– Да какие бабы, Пчёлка? – хмуро спросил Эрик идущей навстречу жене.

– В общем, я подошла очень серьезно к твоему предложению и на работе тщательно изучила этот вопрос в инстаграме, – быстро и возбуждённо болтая, она разделась. В два счёта погрузила свою куртку с меховым воротником в шкаф и аккуратно поставила сапожки на полку, обтерев тряпочкой.

– Какой вопрос? – недоумевая от смены фона диалога, прищурившись, переспросил Эрик.

Жена тяжело вздохнула и медленно, членораздельно напомнила ему об идее с походом.

– Ааа, ну да, – с облегчением выдохнул он.

– Вот, смотри, – протянув телефон в упор к его глазам, выпалила она. – Ты только посмотри, какие накрутейшие фотки. Йохайды, это просто очуметь можно! – и стала быстро прокручивать своим пальчиком со свежим маникюром фото разных красивых девушек на фоне продвинутых палаток и других модных атрибутов комфорта, которые можно прихватить с собой в поход.

– Понятно. Кстати, красивый маникюр.

– О, ты заметил! Это так мило, спасибо. Да, я, в общем, нереально загорелась идеей с походами и да, вот даже поэтому сделала себе сегодня маникюр! В общем, хочу просто отпадные фотки. Так что на этих выходных мы с тобой идём куда? – и загадочным образом стоя всё ещё в коридоре, она посмотрела на мужа.

– Куда?

– Чтоооо, ну ты меня просто никогда не слушаешь, просто никогда. Я так устала! – и, безысходно, тяжело вздохнув, она побрела и плюхнулась в любимое кожаное кресло Эрика, – Сделай лучше мне чай, пожалуйста.

Эрик подсуетился, сделал молча чай себе и своей красавице жене и подал на журнальный столик, где всегда можно было что-то найти из сладенького. Первые минут пять они сидели в тишине. Он, она и собака по кличке «Зверь», как брата Логана из популярного блокбастера. Сидели и смотрели: он на неё, она на Зверя, Зверь на конфетку.

«Надо что-то сказать хорошее или спросить, а иначе всё, хана, щас начнется скандал. Ну сто пудов», – думал Эрик, перебирая в голове со скоростью Шумахера комплиментики и всё такое. «О, нашёл, то что нужно!»

– Милая, а ты купила красивое нижнее бельё?

– Это всё, что тебя интересует, да? – с обидой до глубины души заявила жена и, отвернувшись к окну, продолжила сёрбать чай. – И чтоб ты знал, нет, не купила. Я, вообще-то, несмотря на то что работаю с утра до вечера, каждый день занималась тем, что планировала наше совместное времяпровождение, а ты этого даже не ценишь. Никогда!

В этот момент в голове Эрика пронеслись две картинки. Первая – широко улыбающаяся обезьянка с барабаном. Вторая – кот, от удивления так раззявившего пасть, что порвало половину интернета. «Твою мать! Что же делать? Идей нет!» – тихо признался себе Эрик.

– И так вот всегда, я чувствую, что мы перестаём понимать друг друга.

– Блин, я не знаю, что сказать!

– Мне надо, чтобы ты просто меня обнял, и всё. И не надо это делать сейчас только потому, что это тебе я сейчас сказала, – продолжила она, набирая глаза слезами.

Визуализированная обезьянка начала медленно постукивать палочками по барабану. Эрик посмотрел в окно в ту же сторону, куда смотрела его жена, пытаясь, может, хоть там найти ответы.

За окном была приятная тёплая погода, и широкие тёмно-зелёные листья каштана указывали на наличие совсем лёгкого и редкого ветерка. И тут в голове Эрика – дзинь! – надо просто нежно обнять супругу, поцеловать и сказать, как сильно он её любит.

Через тридцать секунд конфликт был полностью улажен и устранён.

Оставшиеся дни до похода, который они решили не откладывать и назначили уже на эту субботу, прошли для Эрика тяжело. Приходилось постоянно мотаться по всему городу то в один магазин, то в другой, и, как выяснилось, всё это очень и очень дорого! Фонарь – обычный, что продаётся где-то на дальних полках обыкновенных супермаркетов, стоит плюс-минус два евро, а вот фонарь в модном водонепроницаемом, прорезиненном корпусе на прилавке специализирующегося на походах магазина стоит...

– А сколько стоит этот фонарик? – поинтересовался Эрик у продавца в форме бойскаута, как из кино.

– Отличный выбор для искателей приключений! – воскликнул бойскаут. – 33 евро и 99 центов.

– А чего так дорого-то, это что, фонарь – джедайский меч? – ещё раз новым взглядом Эрик посмотрел на фонарь, поднеся его в упор к своим глазам.

Тут же к ним подбежала веснушчатая девушка в таком же наряде, с гордой нашивкой на груди «старший продавец-консультант». И стала она выдавать столько слов в секунду о всех невероятных плюсах, почему именно этот, а не какой-либо другой фонарь просто обязан быть у каждого путешественника, да и вообще, у каждого человека на земле. Вдруг наводнение, и ты под толстой толщей непроницаемого моря. Вот что тогда? А тут раз – и фонарь! Можно подсветить там что-то.

А вообще, Эрик всё это время думал о том, какая она страшненькая, девушка в смысле. Не фонарь, фонарь был красивый и на вид очень даже удобный.

– Я всё понял и фонарь беру, – утомлённо сказал Эрик и полез в карман за кошельком.

– Батарейки вам ещё нужны?

– Я же взял уже.

– Ещё. В ночи света никогда не бывает много, – со знанием дела сказала девушка, глядя прямо ему в глаза.

– Нет.

– Возможно, вас заинтересует компактный факел новой модели?

– Нет.

– Ну хорошо, тогда с вас 136 евро 15 центов, – улыбнувшись, твёрдо сказала старший продавец-консультант.

«Жалко, что брекетоу у неё нет», – подумал Эрик.

– А можно всё в пакет сложить? – поинтересовался он, убрав кошелёк во внутренний карман летней спортивной куртки.

– А у вас есть наша карточка постоянного клиента? – обрадовавшись, воскликнула девушка.

«Да что же это такое?» – выругался про себя Эрик.

– Нет. В смысле, нету.

– Замечательно! А вы не хотите её приобрести? Вам нужно только заполнить анкету и заплатить два евро. На это вам понадобится всего две минуты. Два евро – две минутки. Как здорово, верно?

– Спасибо, не нужно, у меня всё есть. Спасибо.

– Пожалуйста, заходите к нам ещё и удачных путешествий. До свидания! – старший продавец-консультант резво помахала ему рукой и замерла на месте.

– А пакет? – возмущённо напомнил ей Эрик, показывая на купленные им товары, которые всё ещё были разбросаны по прилавку.

Девушка изумлённо раскрыла рот вместе с глазами в форме «О».

– Ну и заболтали вы меня, я и забыла о пакете, обычно я никогда не забываю. Пакеты просто автоматически даю клиентам, у кого есть карта клиента. Вы, может, тоже её приобретёте?

«Спасибо, нет», – хотел было он сказать, но почему-то ответил: – Да, давайте.

Спустя полчаса Эрику всё-таки удалось выйти из магазина «Пешком за 80 дней», прикупив ещё компактную лампу-ловушку для москитов с 25-процентной скидкой. Используя карту клиента, разумеется. И всё неся в бесплатном пакете, Эрик был безумно счастлив, хотя образ продавщицы всё ещё был у него перед глазами, и это немного раздражало.

Но дома Эрика ждал приятный сюрприз. Его прекрасная жена была уже дома, сидела посреди комнаты на покрывале из овчинной шерсти и играла со Зверем, отбирая у него обычный шерстяной носок, когда-то связанный и подаренный его бабушкой.

– Вау! Привет, красотка моя, ты что, пораньше с работы свалила сегодня? – обрадовался он и, быстро сняв уличную одежду, с покупками пошёл к жене.

– Ай, да начальница поехала после обеда по каким-то важным делам, и, естественно, мы с девчонками сразу свалили по домам.

– Ну и правильно, – посмеялся Эрик и по-быстренькому поцеловал жену, пока Зверь неумоимо на неё нападал и пытался отобрать свой носок.

– Да я даже не сомневаюсь в этом, – отпустив носок, сказала жена, развернувшись и обхватив ногами Эрика. – А ты серьёзно за свои тридцать лет никогда не работал? Поверить не могу. Вот как так?

– Ну да, зачем мне это? Нет, ну однажды у отца какой-то переходный возраст начался, и он меня заставил полы мыть. Просто мрак! – Эрика аж передёрнуло от воспоминаний. – Я мыл эти залы и помню, как эту мокрую и грязную тряпку приходилось выжимать руками, чтобы разводов не оставалось. Она такая мерзкая была, я реально блевал. Блевал, мыл полы, блевал и... – Эрик тяжело вздохнул. – Но слава богу, он умер. Попал с матерью и всеми братьями в аварию, и поэтому я, дурак, унаследовал компанию отца. А они все, умные и красивые, мертвы. Так что я продал на следующий день компанию. Даже машину, в которой они все погибли, удалось продать по цене металлолома. Представляешь? Я даже потом специально считал, и получилось тридцать три цента за килограмм, что составило девяносто четыре евро и семьдесят один цент – столько стоила вся моя семья: отец, мать и двое братьев. Такая вот цена человека – тридцать три цента за килограмм – получается. Даже грустненько как-то становится. Свиныня или любое другое животное в разы дороже получается. Вот поэтому я больше никогда и не работал, – сделав секундную паузу, вдумчиво добавил Эрик.

– Я, знаешь, по дороге домой купила красивое и развратное нижнее бельё. Но почему-то только что перехотелось...

– Что... Ты просто отвратительные вещи мне говоришь, жена моя. У тебя просто нет сердца!

Дикие инстинкты

Ранним субботним утром в квартире зазвонил будильник, ровно в пять утра. На который не последовало никакой реакции. И не последовало бы, если бы Зверь не начал скулить и лапой бить Эрика по уху. Эрик, не открывая глаз, вырубил будильник, что-то пробубнил похожее на «ещё пять минуточек» и так и уснул, держась за розовый будильник с рисунком сакуры.

– Милый, а сколько времени? – толкнула его жена локтем под бок.

– Ещё пять минуточек.

Эрик почувствовал, как жена вырвала из его рук крепко зажатый будильник.

– Ё-моё, уже десять утра! Давай вставай! И никаких пять минуточек.

– Тогда три. Природа как стояла, так там и будет стоять. Никуда она не денется. Да что такое, вот пристала, – крепче вдавившись в подушку, простонал Эрик.

– Это я-то пристала?

И Эрик вмиг оказался с подушкой в обнимку на полу.

– И только попробуй обозвать меня Диментором!

– И в мыслях не было, ты у меня очень чуткая, ранимая и прекрасная жена, и я тебя очень люблю, – с лукавым взглядом промурлыкал Эрик, неловко и медленно вставая с пола.

Всё было готово и сложено уже с вечера, поэтому они, сразу как умылись и почистили зубы, взяли свои битком набитые походные рюкзаки и пошли к машине. По дороге заехали в кафе, сами поели и прихватили три порции второго с собой. Одну порцию сразу открыли и положили на заднее сиденье Зверю. Красивый чёрный шпиц всю дорогу не сомкнул глаз. Длительная поездка, к удивлению хозяев, ему очень была по душе. Он то смотрел в окно, то громко чавкал куриное филе, порезанное очень маленькими кусочками, то просился к хозяйке на ручки. Конечно, расстраивался очень из-за того, что хозяин на него совсем не обращал никакого внимания. Не играл с ним и не брал на колени, а бездушно сидел, держась руками за руль, и только и делал, что смотрел вперёд. Из-за чего, в принципе, раза три они и останавливались, чтобы Эрик мог почесать и поиграть с собакой. А затем и дальше продолжали своё путешествие.

В три часа дня они наконец добрались до заранее найденного места, используя карты Гугл. Поиск места для кемпинга оказался весьма сложным занятием. Хотелось чтобы и место было красивое, и не совсем уж далеко от цивилизации, но ничто и не указывало на её присутствие. И конечно, самым важным было то, чтобы людей там не было. Никаких и ни одного, ведь спать нужно было в палатке, а от одной мысли, что ночью, пока они будут спать, укрывшиеся за какой-то парой миллиметров обычной ткани, хоть и модной, рядом с ними будут ходить люди... От таких мыслей мгновенно начинали бегать мурашки по всему телу, а мозг мгновенно подкидывал жуткие картинки из кино.

– Красиво, правда? – сказала завораживающим тоном жена.

– Очень. Тут так тихо. У меня прям двойственные чувства на этот счёт. Может, музыку какую-то включить?

– И даже не смей, слушай море или, если тебе так не хватает шума, я могу тебе сейчас всё устроить, аха-ха, деваться-то некуда будет тебе. Милый мой прекрасный муж!

Они оба посмеялись, Зверь вырвался из рук хозяина и побежал злиться на море.

– Ну вот тебе и шум, всё как ты любишь, да, милый?

– Да, любовь моя. Именно поэтому я и женился на тебе.

– Что? – возмущённо воскликнула жена, твёрдо положив руку на грудь Эрика, который уже лез к ней с поцелуйками.

– Я тебя очень-преочень люблю, – утвердительно заявил Эрик, максимально вытянул свои губы в трубочку и с силой стал жаться к ней, чмокая губами.

– Да-да, я тебя тоже люблю! – смеялась она, отвечая на поцелуй мужа. – Но иногда ты такой бестактный, что хочется прямо взять тебя и налупить, как Зверя. Честное слово, я так когда-нибудь и сделаю. Просто заломлю тебя и так налуплю, что потом попа вся красная будет. Ясно?

– В смысле я бестактный? Я охренеть какой тактичный! Девяносто процентов тренеров и писателей личностного роста приводят в пример именно меня, когда о тактичности речь заходит. Это, дорогая моя, нож прямо в сердце! Знаешь, это правда, что любимые ранят сильнее всех, – изображая заплаканный голос, жалобно опустив голову, заявил Эрик.

– Ага, окей. Я поняла. Давай ставить палатку, пока не стемнело, тактичный ты мой. Ты, кстати, сможешь её установить?

– Естественно, я мастер по установке палаток!

– Да? Я и не знала. А где это, и меня куда более интересует – с кем это ты палатки устанавливал!? И только попробуй ответить так, как мне не понравится. – Поцелуи резко закончились, и жена смотрела на Эрика уже совершенно серьёзным и строгим взглядом.

– Я не обученный мастер, а ставлю сейчас с тобой. Аа... всё, нравится?

– Нравится, да, – счастливо заулыбалась жена и ещё один раз поцеловала Эрика в нос. – Пойду я вещи разбирать, а ты поставь палатку, пожалуйста.

Сложить палатку оказалось гораздо сложнее, чем было написано в инструкции, но легче, чем предполагал сам Эрик, и через недолгих минут двадцать собранная палатка уже стояла на десятиметровом холме у поваленной сосны, где начинался красивый хвойный лес.

Новенький «субару» подкатили багажником к морю, открыли его у самой палатки, что дало дополнительный навес и кусочек городского комфорта.

– Класс. Блин, может, мы в машине будем спать, а сумки и всё лишнее в палатку положим? – сказал Эрик.

– Не говори ерунды! Может, тогда вообще домой поедem? Там на диванчике совсем комфортно спать будет. Мы на природе, и у нас есть палатка. И я буду в ней спать! О... надо сделать селфи! Я даже эту палку купила, чтобы ты не выносил мне мозг своим нытьём всего лишь на сотой фотографии! Боже, с каким мужланом я живу! – уже издалека пробормотала она себе под нос, устанавливая свой телефон на селфи-палку.

– Окей, ладно. И чем мы с тобой займёмся, а, козявка? – задумчиво спросил Эрик у Зверя, увлечённо облизывавшего свою лапу.

– Козявка, иди к мамочке, тут с тобой фотки будут просто невероятными, – и шпица как ветром сдуло.

«Отвратительно, просто отвратительно», – подумал Эрик, сев на край багажника и устремив свой взгляд на медленно прибывающие к берегу морские волны.

– Красота, – вздохнул он.

Так и не придумав того, чем бы ему заняться тут, он просто сидел в багажнике своего мутно-зелёного «субару» и смотрел куда-то вдаль, пока на улице не начало смеркаться.

– Я пойду в лес, хвороста пособираю. Скоро стемнеет, надо разжечь костёр, – сказал он больше себе, чем жене, которая всё ещё увлечённо делала свои фотографии, бегая то взад, то вперёд по берегу моря, таская на руках Зверя.

Ближайшие метров двадцать от обрыва лес был редко заросший, и большинство сосен были погнутые или же вырванные с корнями, валялись тут и там в беспорядке. А потому Эрику не составило ни малейшего труда собрать достаточное количество подходящих по размеру веток и отнести их к задуманному месту для костра. И уже через короткое время куча из дров сформировалась просто огромная. Хватит на несколько дней. А вот с камнями оказалась проблема. Это был совершенно песчаный дикий пляж, и до наступления темноты Эрику удалось собрать лишь столько камней, чтобы ими выложить один лишь худенький с пробелами круг на земле.

– Вау, у нас будет костёр! Точно, мы же на грёбаной природе. Я и забыла уже, что это такое. Когда мы с тобой в последний раз вот так романтично сидели у костра, три года назад? Да, милый?

– Ну да, где-то так. Но это совершенно другое, тогда дело было в Норвегии. В парке через дорогу от дома, где всегда было полно людей, которые тоже разводили свои костры. И то это мангалы всякие, а у нас тут реальный, мать его, костёр. Как в библейские времена. Когда ещё жечь ведьм была обычная рутина.

– Я всегда, ну просто всегда гадаю, как устроен твой мозг, вот как он работает? Почему он регенерировал момент с ведьмами? Да еще ты так преподносишь это, таким голосом, с такой интонацией, что я сейчас реально смотрю на то, как ты сложил ветви деревьев в небольшой шалашик, а он у меня словно вырос в глазах, и мой ум ждёт, когда ты его разожжёшь. А если повернуться назад, за спину, я уверена, что меня там ждёт железная клетка на деревянной повозке, в которой ждут своего часа бедные женщины. Это отвратительно, чтоб ты знал. Просто отвратительно!

Эрик просто посмеялся и снова набрал полные лёгкие воздуха. И тоненькой струйкой выдувал его, давая жизнь маленькому пламени в центре шалаша.

– Вот говно! – выругался он, когда огонёк снова погас.

– Ну если что, у нас есть ещё компактный мангал «плюс», фонари и всякие ещё штуки, – ласково сказала жена, почёсывая пузико шпичу.

– Точно, детка. У нас же куча всякой хрени! – воскликнул Эрик и резко побежал к багажнику. Порывшись пару минут, вернулся к заложенному костру со специальными щепками, обмотанными какой-то тканью, промоченной горючей жидкостью, и плотно упакованными в герметичные пакеты.

– Ха, добро пожаловать в двадцать первый век! – сказал он вспыхнувшему и ярко пылающему пламени, гордо уперев руки в бока.

– Ты мой повелитель пламени, дай я тебя поцелую, – обильно обцеловав лицо Эрика, она ехидно продолжила свою издёвку. – То есть, я так понимаю, мы бы не выжили с тобой в каменном веке да?

На что Эрик быстро парировал, сказав, что они бы не выжили ни в одно другое время, в котором не развита быстрая доставка готовой пищи и полуфабрикаты.

– Точно, я голодная как зверь. Пойду схожу за нашим ужином.

А Эрик, долго не думая, тоже пошёл в машину, только не за едой, а за ковриками, которые кинул неподалёку от костра, и вторым разом захватил хороший тёплый плед, также купленный в магазине «Пешком за 80 дней». Тут же всплыли воспоминания о надоедливой девушке-продавщице. Эрик, шумно выдохнув в нос, покачал головой, чтобы вытряхнуть эти воспоминания из головы.

– Ты чего, всё хорошо?

Эрик хотел было поделиться своим опытом закупок и о девушке, но тут же, как спасательный круг моряки кидают человеку за бортом, мозг кинул ему реакцию жены: «Это что ещё за баба, о которой ты думаешь в такой момент?» Сразу поделиться этой историей вдруг перехотелось, но с картинкой уродливой продавщицы стало значительно хуже. Теперь он её видел каждый раз, как закрывал глаза. «Отвратительно», – подумал он. Но жена по-прежнему сидела и пытливо на него смотрела, словно сканировала его мозг, его мысли, его душу. Надо было что-то сказать, но на ум ничего не приходило.

– В смысле? Как мне может быть не хорошо, когда ты рядом? Давай есть уже, – сорвалось с языка само собой.

Ужин был совершенно холодный, а картошка фри, пропитанная капустным салатом, даже отвратительна. Но на свежем воздухе так хотелось есть, что эти мелочи опустила даже его привередливая жена.

Через пару минут Эрик забрал пустые коробки из-под еды, положил их в пакет для мусора и спрятал с глаз долой за машиной, а сам вернулся с двумя термocupками, в которых, он надеялся, всё ещё был горячий чай. Попить горяченькое с пироженками у размеренно потрескивавшего костра была идея-люкс. Правда, если бы Эрик на тот момент догадался, что воду можно вскипятить и на костре, идея была бы ещё лучше.

И всё же вид был шикарный. Как и чувства, эмоции, которые приливали с накатами волн и разливались с горячим теплом от костра по всему телу. В какой-то миг просто захотелось

спать. Эрик посмотрел на жену, желая предложить ей пойти в палатку, но даже не заметил, когда она уснула. И судя по тоненькому мокрому пятнышку у себя на плече, уже довольно давно.

Утро для Эрика началось с двенадцати дня. Едва открыв глаза, он первым делом хотел было обнять жену, но её уже и след простыл. «Ну ничего, зато обниму тебя», – еле слышным, ещё не сформировавшимся голосом после сна сказал он Зверю и подтянул такого же сонного, как и он сам, шпица к себе. Тот явно ещё совсем не хотел просыпаться, но и не сопротивлялся, а позже уже урчал, как довольный кот. Эрик чесал его шикарную гриву и смотрел сквозь противомоскитную сетку на морской горизонт. Где столпы света, прорывающие сквозь затянутое небо, падали прямо в море ещё минут пять, пока жена не почувствовала, что он уже не спит.

«И как она узнала, что я не сплю? Вот ведь, правильно говорят, женщины как хищники, чувствуют всё живое», – всё так же лёжа, подумал он. Но где он слышал такое выражение, вспомнить не мог. Тем временем извне монолог ругани возростал.

– Блин, плохо дело. Снова я где-то накосячил, – сказал он собаке, – придётся нам вставать.

Вылезая из палатки, Эрик не сразу увидел жену, а то, что он увидел, ему однозначно не понравилось. Она была довольно далеко внизу, у моря. Видимо, с утра, используя такой шанс, решила побегать, что ей не удавалось уже год или два. Ровно с тех самых пор, когда ей пришла та самая идея бегать по утрам.

Она пыталась пройти, пробежать, проскользнуть к палатке и кричала, ругалась, а какой-то мерзкий мужик хватал её, толкал её и выпихивал по метру, по шагу по полшага всё дальше от палатки, и видно было, что его это забавляло. Каждый раз, когда жена Эрика падала на песок, он смеялся от всей души и, пихая её ногой, отталкивал всё дальше и дальше.

Эрика затошнило, замутило, а ноги стали подкашиваться. Он не боец, он никогда не дрался. Возможно, в детстве, но это тоже нельзя было назвать дракой, так как били всегда только его. Но сейчас нужно было что-то делать и делать нужно было прямо сейчас!

Ноги рванулись с места, подымая песок от земли. «И что дальше? Я прибегу весь запыхавшийся, уставший, а мужик и бодренького меня порвёт. Чёрт, что же мне делать?» – в мыслях заорал он себе, остановившись как вкопанный и согнувшись в три погибели, схватившись обеими руками за голову.

«Свисток, кастрюля, нож... Точно, нож, твою мать! Нооож!» – Эрик в два прыжка оказался у багажника своего автомобиля и рывком вырвал из него один из всё ещё не тронутых походных рюкзаков. На земле он одним махом раскрыл самый большой отсек рюкзака и вывалил половину всего прямо на землю: Тряпки, ботинки, фонарик и какая-то ненужная в данный момент хрень вылетела ему под ноги. «Это всё не то!» – заорал он и, развернув рюкзак, открыл боковой карман: «Сука, дистанционный электрошокер!»

Дорога была каждая секунда, но Эрик словно оцепенел, глядя на него, он вспоминал, как два дня, словно дитя, не упускал ни единого случая, чтобы не взяться за рукоять электрошокера и не крикнуть жене: «Трусишки или жизнь?!», а она ему отвечала: «Ты кто?», а он ей: «Я Эрик, судья Эрик!». И правда, электрошокер Эрик купил только из-за того, что он ну уж очень был похож на мегабластер из одного из его любимых фильмов. Но теперь он был так счастлив, что невольно прослезился, вместе с тем и сам очнулся и что было мочи побежал спасать жену.

Оказавшись совершенно бездыханным от отдышки рядом с мерзким брюхатым мужиком лет за сорок, с отвратительной невытой бородой, в рабочей робе и ботинках с железными концами, Эрик на секунду остановился. Заплаканные глаза жены с растёкшейся тушью и широкая

улыбка мужика с редкими желтыми зубами – было всё, что он увидел за это короткое мгновение, пока наводил ствол электрошокера ему в лицо, и не мешкая спустил курок.

– Почувствуй боль электрического тока, ты, ублюдок! – заорал он. Эрик страстно желал ему боли, он хотел, чтобы тот страдал, хотел видеть, как его кожа обугливается и этот никчёмный кусок говна медленно умирает в страшных конвульсиях. Но три секунды спустя, которые показались ему одной, пролетели вмиг, и электрошокер щёлкнул. Проводки автоматически отлетели, а мужик заорал и предпринял все усилия, чтобы встать.

Жена тоже закричала захлёбывающимся от слёз воплем, но оставалась стоять на своём месте, и Эрик спустил курок снова, а спустя три секунды проводки вновь с щелчком отлетели в сторону. И так продолжалось все пять раз, правда, на третий раз валявшийся и обоссавший себя мужик уже не вставал, и Эрик просто ради своего внутреннего удовольствия стрелял в его спину ещё три раза.

Скрюченный, обоссанный мужчина лежал неподвижно на смятом конвульсиями песке, а сердце Эрика пело. Ликовало победу, восхваляло мужество и отвагу своего хозяина. Он спас свою жену, защитник слабых и красивых. В голове его всплыли одна за другой картинки того, как именно его чуть позже будет благодарить жена, и одна картинка была развратнее другой.

– Милый, а он живой? – голосом ангельского мышонка она тихо обратилась к мужу, не отводя глаз от мерзости, неподвижно лежавшей в паре метров от неё.

– Что? – не понимая, удивлённо переспросил Эрик, сопоставляя картинки и то, что, по его мнению, должна была сказать или сделать его жена. А простой интерес, жив ли её обидчик или нет, никак не совпадал ни с одним из надуманных им вариантов. По этой причине он даже и не заметил того, что его жена подошла к мужчине и ткнула его в бок ногой, несмотря на то что пристально смотрел на неё.

А дальше, наверное, он моргнул и не видел, как в этот момент мужик вскочил на колени, схватившись за её юбку, а она, выхватив охотничий нож с его пояса, провела им ему по горлу. Кровь обильно плюхнула, словно с перелитого ведра. Жена круговым движением, словно балерина, изящно выпорхнула из его хватки, и кровь упала в миллиметре от её нежно-зелёной идеально выглаженной юбки на песок. Песок как губка впитал в себя всю кровь. Жена отбежала в сторону шага на три и, отвернувшись спиной к Эрику, села на корточки, и под ней послышалось журчание маленького ручейка. А мужчина, неплотно зажав руками горло, побежал на своих шатающихся ногах от них прочь, раскачиваясь то в одну сторону, то в другую. Пробежав и измазав всюду за собой метров тридцать, может сорок, Эрик определить точно не мог, своей кровью, он упал и больше не двинул ни одним мускулом.

– Ты видел, как я писала?

– Что? – нехотя, со страхом в голосе и глазах Эрик переспросил, отводя глаза от трупа к заплаканным глазам жены.

– Ты смотрел, как я писаю, ты видел? – еле сдерживая слёзы, она снова повторилась.

Он видел. Конечно, видел, а ещё много что видел сегодня. Ему на тот момент казалось, что в жизни он видел только эти недавние события, и больше нет в нём ничего другого. Ни знаний, ни опыта. Только то, как его жена проводит сверкающим лезвием по горлу мужика, как тот бежит, оставляя всюду свою кровь, и да, то, как писала его жена, он тоже, конечно, видел. Но вопреки всему случившемуся он считал это неуместным и неловким, а потому ответил: «Нет, милая, не видел».

Жена всхлипнула. «Наверно, догадалась, что я её обманываю», – подумал он, а жена, как кошка, после себя так неловко оттолкнула ногой песок, надеясь одним махом закрыть маленькую мокрую лужицу, и побежала в объятья мужа.

– Что же нам теперь делать? Нас же теперь посадят! – она зарыдала горькими слезами, от которых мгновенно промокла серенькая маечка Эрика, и он почувствовал мокроту её слёз у себя на плече.

Нелепость

Они продолжали стоять, обнявшись так крепко, так горячо, словно влюблённые, обнявшись впервые за долгие месяцы после несчастной разлуки. Её сердце стучало так сильно, что Эрик чувствовал его удары на своей груди, его же билось медленно. Настолько медленно, что стало темнеть в глазах. Он заставил себя не смотреть на труп и окровавленный пляж, но струившаяся кровь маленьким фонтанчиком с шеи убитого так и осталась у него перед глазами.

В глазах становилось всё темнее, голова стала наливаться свинцовой тяжестью, и он упал на песок, повалив за собой жену.

Он открыл глаза, и расплывчатый образ жены быстро собрался в красивую голубоглазую девушку с тоненькой улыбкой на лице.

– Мне такой сон приснился, ты просто не поверишь, – слегка улыбнувшись, с облегчением сказал Эрик.

Жена хихикнула, а затем попыталась сдержать себя, но хихикнула вновь и сползла с него, сдерживая нездоровый истерический смех, закрывая рот руками.

– О чёрт! – вскочив на ноги, воскликнул Эрик, озирая и картину, в которой лежит труп с распоротым горлом, и смеющуюся жену, уткнувшуюся лбом в песок.

Эрик вздохнул, словно греющийся на солнышке пожарник, после полугодового спокойствия узнавший об учебной тревоге, и пошёл к трупу.

Голова уже не кружилась, и Эрик тянул его за руки подальше от берега, словно занимался этим всю свою жизнь. Без страха, без сожалений, даже, кажется, не до конца понимая, что тянет мёртвое тело, у которого ещё совсем недавно была жизнь, были свои радости и огорчения. Он просто его тянул и думал о том, как будет тяжело затащить его на верх холма, подальше от морского берега.

– Труп нужно за ноги тянуть, а не за руки, – жена перебила мысли Эрика своим внезапным голосом и присутствием. А когда их взгляды нашли друг друга, она продолжила. – Труп нужно тянуть за ноги, а не за руки. Тогда тебе не придётся поднимать и поддерживать лишний вес, и не придётся тратить свою энергию на поддержание, а затратишь всю её на толкательный момент.

Эрик даже на секунду представил, как он искренне смеётся, но, посмотрев на безжизненное тело, отпустил его обе руки. Торс бесшумно упал, слегка зарывшись в песок, а руки бесформенно упали рядом. Переступив труп, он крепко ухватился за левую ногу, а жена, молниеносно подпрыгнув, ухватила за правую.

И правда, сейчас было гораздо легче. Они двигались со скоростью прогулочного шага, но легче стало из-за того, что теперь они тянут труп вдвоём или же и правда из-за смены позиции, Эрик сказать точно не мог. Ему было совершенно достаточно того лишь факта, что теперь они без труда смогут затащить тело на холм и утянуть его подальше в лес.

– Ой, дилетанты, – вздохнула жена, посмотрев на Эрика. Что-то было в её взгляде. Что-то пугающее, словно он гулял в парке и из кустов выпрыгнул огромных размеров доберман, без хозяев и намордника, и с рыком оскалился на него, а секунду спустя повилял хвостиком и побежал по своим делам.

Как именно было реагировать на такую её улыбку и взгляд, Эрик не знал, поэтому решил никак не реагировать и просто продолжать тянуть труп выше на холм и глубже в лес.

По внутренним ощущениям время стояло на месте. Но на улице уже стемнело, и, копая могилу вместе с супругой раскладной лопатой и руками, Эрик давно уже потерял счёт времени. Тело болело даже в таких местах, о которых ни Эрик, ни его супруга даже не догадывались. Но, несмотря на это и на то, что уже какое-то время шёл дождь, их это не останавливало.

Возможно, пару часов назад жена его спросила: «Милый, может, хватит?»

– Не знаю, – ответил он. – В какой-то передаче я видел, что труп недостаточно глубоко закопали и его смогли учуять голодные животные.

Что из этого следовало или на что был этот ответ, они и сами не поняли. Просто пожали оба плечами, посмотрев друг на друга, и продолжили копать. А когда они вырыли яму глубиной в полтора метра, просто скинули в неё труп, пнув его ногой. Больше не размышляя о глубине или ещё о каких-либо знаниях, полученных из сериалов и документальных фильмов. А дальше руками, ногами и всем телом спихивали рыхлую, мокрую и грязную землю обратно в яму, засыпая уже давно остывший труп.

На финишной прямой боль в теле заметно усилилась, но, тем не менее, работа до завершения продолжалась без жалоб и перекуров. А когда они разровняли и раскидали оставшуюся землю по округе, чтобы тут, среди этих трёх сосен, не висела табличка «Здесь свежая могила», просто и без слов побежали смывать с себя грязь и убийство в ночном море.

Несмотря на всё и всю грязь на жене, она казалась ему такой красивой, такой сексуальной. Он не мог не думать об этом, о том, как же красиво на неё падает свет луны и как элегантно она оттирает от своей кожи грязь.

– Ты у меня такая сексуальная, – неожиданно для себя вслух констатировал он.

– Ты что, охренел, что ли? – рыкнула она, пронзив его свирепым взглядом. И Эрик бы её абсолютно понял, если бы она не добавила: – Я даже не накрашена.

Его логику, его способ мышления на миг заклинило, словно ломом – блок идеально сложенных вращающихся шестерёнок, а затем его словно порвало от смеха. Заразив жену вполне здоровым и радостным смехом, они немножко пообжимались, а потом просто легли у начала берега и беззаботно смотрели в даль моря. Держась за руки, словно ничего не произошло. Будто они сейчас на каком-то романтическом курорте в самом расцвете их нежных отношений.

– Милый, я так устала, поехали домой, а?

– Сейчас!? Ты что, спать пошли, какой домой?

Прежде чем что-либо ответить, она посмотрела по сторонам и, наклонившись ближе к его уху, шепнула: – Милый, а ничего, что мы тут неподалёку зарыли труп?

– Нет, ничего. Не стоит волноваться о том, на что ты не можешь повлиять, – сказал Эрик и, встав, протянул руку супруге. А ещё через пару минут они оба спали без задних ног в своей комфортабельной палатке.

На следующий день, а точнее, когда они проснулись, на улице уже снова был пасмурный вечер. Небо было плотно затянуто серыми тучами, а дождь барабанил по палатке.

– Боже. Милый, это тот же день, мы в аду?

– Ну какой ещё ад, не носи ерунды. Сегодня ещё воскресенье, так что тебе только завтра на работу, – Эрик посмеялся. – А пошли сходим... ну сама знаешь куда. а?

Жена удивлённо расширила глаза и набрала полные лёгкие воздуха. Наверно, для того чтобы резко и грубо ответить ему, подумал Эрик. Но, видимо, в последний момент передумала, глаза её сузились, а по рукам побежали мурашки.

– Блин, это так стрёмно. Я совершенно не даю отчёт своему телу и эмоциям. И что самое пугающее, я абсолютно не могу понять, нравится мне это или нет.

Эрик встрепенулся.

– Так мерзко тут, да? – стоя у безымянной могилы, сказал он.

За ночь дождь прибил и размыл песок с землёй так, что уже было невозможно ничего сказать о вчерашнем событии. Но для них словно и не было этого песка, они оба будто стояли всё ещё у незасыпанной могилы и смотрели на труп мужчины, видя каждую деталь его рубы, его бороды и мерзкие черты лица уже давно спившегося человека. Надолго они не задержались и уже спустя десять-пятнадцать минут шли быстрым шагом к лагерю, изредка оглядываясь.

Обратно в цивилизацию они вернулись уже поздно. Как раз настенные часы в зале мягко пробили четыре часа ночи в тот момент, когда они зашли в квартиру. Сумки и вещи брать не стали, уж слишком они были изнурённые для этого. Просто хотелось в душ и спать. Вот только Зверь не разделял с ними этих планов. Он сразу планировал идти спать, несмотря на то что был похож просто на один сплошной кусок грязи и писка. Поэтому пришлось ещё двигать диван, потом кресло, чтобы изловить маленькую тварь и засунуть его тоже под душ. И в пять утра, когда всё было сделано, сна уже не было ни в одном глазу.

– Вот же тварь мелкая. Просто так налупить его иногда хочется! – злясь, пробубнил Эрик, лёжа на спине и не смыкая глаз глаза в потолок.

– Он слишком красивый, чтобы его лупить. Но да, ты прав, иногда хочется. Что-то мне кажется, что завтра я хрен встану на работу. А если и встану, то это будет печаль, – таким же безразличным тоном, как и Эрик, сказала она, глядя также в потолок. Но ответа не последовало. – Блин, ты что, спишь уже? – уже громко вскрикнула она, тряся Эрика за плечо.

Собака, собрав все свои силы, прыгнула с дивана и, фыркнув, пошла на диванчик в гостинный зал, а Эрику пришлось вникать в проблемы жены.

– Блин, да что такое! Два дня побыла вдали от цивилизации – и всё, совсем одичала. Напиши, что приболела, и иди спать уже. Отстань! – Эрик моментально снова засопел, отвернувшись на бок к стенке.

– Да, ты думаешь? Ну да, это идея. Тогда нам нельзя спать до семи утра, чтобы я могла с самого утра эсэмэс отослать начальнице, что мне плохо. Эрик, ты pomoжешь мне не спать, а, милый мой, дорогой? – и её рука скользнула у него по бедру.

Голос Эрика прозвучал откуда-то из подушки: – Любовь моя, мы с тобой уже не первый год женаты, поэтому я могу тебе сказать: отвали, дай поспать! Напиши начальнице сейчас, пусть видит, как ты страдаешь, – и больше Эрик жены не слышал, а может, и она сразу уснула после того, как написала начальнице о своём плохом самочувствии.

На следующий день и до следующего утра время прошло бессловесно и вообще без каких-либо событий. Они сидели друг напротив друга, но за целый день даже их глаза не пересеклись. Словно боялись увидеть своё отражение или прочесть в глазах своих половинок те же самые чувства, которые переполняли их самих. А именно страх перед тем, что им было не стыдно, не больно на душе, или то, что их не гложет сам факт убийства. Страх был иным, он был сладким запретным плодом. Он дурманил, он пьянил. Иногда Эрик вспоминал детали убийства, и на его лице появлялась улыбка, которую он со страхом всеми силами сдерживал. Утаивал. Отворачиваясь то в окно, то к стене, чтобы её не увидела жена, которая так же, как он, изредка с силой стискивала скулы и вертела головой то в одну сторону, то в другую.

– Что мы будем делать с этим, любимый, как нам дальше жить? – лёжа в постели, на следующее утро первая спросила жена.

Эрик не отвечал, продолжая лежать, выводя глазами узоры на потолке. Думая то над одним ответом, то над другим. Думая над тем, что от его ответа сейчас, возможно, зависит вся их дальнейшая жизнь. Жизнь семьи с одним очень страшным скелетом в шкафу или жизнь чокнутой семейки, каких нередко показывают в сериалах. «Но это же жизнь, здесь же такого не бывает?»

– Милый, с тобой всё в порядке? – взволнованно поинтересовалась жена, повернувшись к нему и поцеловав в щёку.

Их глаза впервые с того времени нашли друг друга, и Эрику стало всё понятно. Ничего он не решает, от него ничего не зависит. Всё уже давным-давно предопределено судьбой. Это их миссия. Их предназначение, их цель появления на этой земле. Его взгляд застыл на ней, а в глазах что-то родилось, или, быть может, наоборот, именно в такие моменты душа отказывается больше жить в своём храме и покидает его, отражаясь в глазах, покидая тело.

– Я волк! Меня душат эти стены! Мне нужно в лес, там моё место.

Жена с облегчением выдохнула, как человек, который на протяжении всей ночи с истерикой смотрит на себя в зеркало в ванной комнате и с кровью отхаркивает свои зубы. А затем, просыпаясь, понимает, что это был всего лишь сон.

– Так когда мы пойдём снова в поход?

Их груди бездыханно замерли, а потом их губы и тела переплелись воедино.

За обедом они решили, что пойдут в поход через неделю. Как раз когда у жены начнётся месячный отпуск, а к этому времени хорошенько подготовятся. Нужно пересмотреть походную экипировку, что убрать из арсенала, а что добавить. Конечно, в прошлый раз им и половины не пригодилось из того, что они с собой взяли, но и отдых на природе у них был всего-то пару дней, а в этот раз они планировали уйти в лес на неделю или две. Как получится. И часами напролёт болтали об оружии. Смотрели картинки, видео в интернете. В конце концов, пришли к единому решению обзавестись арбалетами. Они бесшумные, на них не нужна регистрация и никаких бюрократических бумажек и справок. Просто любой может купить себе арбалет и кучу стрел, которые не поддаются никакой баллистической экспертизе, и всё, стреляй себе по банкам сколько влезет. Либо иди на охоту...

Охота... Это слово приобрело особенный смысл. В прошлый раз это было скорее самозащитой, чем убийством. Но не в этот раз. Теперь они каждый день предвкушали этот момент с такой страстью, с какой ждёт последнюю неделю до совершеннолетия прыщавый подросток-девственник, живущий в квартире с окнами на бордель и давно отложенными деньгами на секс.

Время издевалось над ними настолько, что иногда часы показывали на пять минут меньше, чем было только что. А когда Эрик встречал жену после работы, иногда они словно пробуждались посреди улицы совершенно в другом направлении от дома, констатируя то, что уже давно не идут домой а преследуют кого-нибудь из прохожих.

Тем не менее, время неизбежно шло так, как оно идёт всегда и для всех. Надменно и ни под кого не подстраиваясь, никому не давая форы, ни больше, ни меньше.

Место было выбрано, сумки собраны, машина после полного осмотра в уважаемом автосервисе была заправлена и стояла готовая у дома на парковке. Единственным вопросом оставалось: брать Зверя с собой или нет. Тут они с педантичной скрупулезностью разбирали все за и против. «Надо брать его с собой, он же Зверь. Он хищник», – говорил Эрик, а жена показывала на маленького шпица, спящего на подушке, лежащей на диване, и, смеясь, говорила: «Да-да, Зверь!» А также есть сто разных ситуаций, когда он может помешать их «охоте», хотя, с другой стороны, «кто заподозрит нас в чём-то дурном, даже если мы с кем-то встретимся посреди леса с таким красавцем на руках? Даже если их инстинкты будут говорить о том, что надо валить да подальше от этой парочки», – говорила жена.

– Ладно, любовь моя, давай завтра. Завтра уже пятница, вот тогда и решим, едет в субботу эта козявка с нами или едет к бабушке. Хорошо?

– Ну да, но тогда придётся маме что-то говорить о том, куда мы едем, и всё такое.

– Завтра, я уже всё, устал совсем, – отрицательно покачал головой Эрик и закрыл руками уши.

– Устал? Только не говори что твоё «устал» означает то, что ты мне сегодня не сделаешь свет в ванной комнате и мне снова придётся пользоваться походной лампой!

Эрик широко улыбнулся. Улыбка, после которой ему уже не нужно было ничего говорить жене, но всё же он подтвердил её опасения. – О да, дикий кайф жить в двадцать первом веке. Можно просто врубить фонарь, а так бы пришлось идти вот прямо сейчас в магазин за лампочкой.

– Ага, молодец. Вот чтобы ты знал, жена тобой не довольна! – и как умела, она нахмурила лоб.

– Но жена же всё равно меня любит, да?

– Да, да любит, а куда деваться-то. Что ещё может связать так крепко, как убийство?

– Общая ипотека, – не думая, выпалил Эрик, – но, слава богу, я родился в хорошей семье. Лучше пусть будет убийство, чем ипотека, – улыбнувшись, добавил Эрик, неуверенно пожав плечами.

В этот момент в дверь позвонили.

– О, вот и пицца. Я просто умираю от голода, – побежав, пробормотала жена.

А дальше пицца, сериал, капля, ну может две, водки с колой. Кто же считает? И спокойный крепкий сон до последнего перед отпуском будильника.

– Пятница, ура! – закричал Эрик, прыгнув на кровати, после того как заглушил будильник. – Детка, вставай! А я пожарю яйца с беконом.

И после того как Эрик поцеловал свою жену на прощанье, он, как обычно, уселся на своё любимое кресло с книгой в руках. И, казалось бы, только сел, как стрелки часов сказали о том, что пора идти за лампочкой и встречать жену.

День был чудесный, а настроение – как у школьника во время последнего звонка. А до конца рабочего дня жены оставалось ровно 45 минут, поэтому он взял горячий капучино и уселся на лавочке в парке у её работы и, как кот в окне, просто сидел и наблюдал за прохожими. Иногда в голове перебирал уже собранные сумки, волнуясь, всё ли собрано и готово к походу. Иногда просто ругал себя, когда его взгляд ложился на какую-нибудь девушку. Но в целом просто сидел и мечтал о завтрашнем дне.

«Уже выхожу, – прочитал он на телефоне. – Задрало, у меня отпуск, так что встречай. Детка». И в третьей эсэмэске пришла поцелуйка.

Эрик, хорошо зная скорость своей жены, засёк пять минут, а когда время вышло, медленно пошёл к зеркальному тридцатисемизэтажному банковскому зданию, где и работала бухгалтером его супруга. У входа ещё пришлось подождать минут пять, и ровно в 17.00 он увидел через начисто натёртые окна улыбавшуюся ему супругу.

– Привет, милый, о, как я счастлива, что этот день закончился. Давай свалим отсюда, и я голодная как не знаю кто. Зайдём куда-то поесть?

– Ну, день ещё не закончился, ещё только пять.

– Да всё уже. Сейчас покушаем и будет шесть. Потом домой придём, я хочу прибраться немножко, чтобы, когда мы вернёмся, у нас всё было чистенько, и в ванну хочу залезть, – она пробежала глазами по сторонам и тихо добавила: – На природе-то у нас не будет такой роскоши.

– Ну, мы можем...

– Да вот щас, у меня всё так накипело. Я волк, мне нужна охота! – совсем не сдержанно воскликнула она, перебив мужа. Некоторые прохожие даже обратили на них внимание и рассосались среди массы других людей, которые тоже, видимо, работали до 17.00.

– Моя ты волк, – посмеялся Эрик, не придав никакого значения тому, что их кто-то мог услышать. Мало ли, кто и о чём болтает. Иногда при открытых в доме окнах такого можно понаслушаться от местной детворы, обсуждающей какую-нибудь игру или фильм, что если это брать в расчет, то из дома лучше вообще не выходить.

Эрик, уже сосредоточившись на еде, открыл жене дверь в рыбный ресторан.

– Ну да, как всегда, всё битком, конечно, жарить дома рыбу. Это просто преступление перед итальянскими шторами, – констатировала жена, бегая глазками от столика к столику в поисках свободного местечка.

– Когда мы жили в трущобах, ты мне всё равно рыбу не жарила, – как можно тактичнее высказался Эрик.

– Слушай, отвали. Я не была на обеде сегодня. Так что вот только не надо мне свою хрень заливать. О том, что я такая хреновая жена, что не готовлю, или что, якобы, мы жили с тобой в трущобах. – Эрик видел, как она ещё была готова что-то сказать, даже немного прищурился. Но молодая официантка спасла положение.

– Один столик на двоих освободился, прошу за мной. Пожалуйста, вы можете сесть здесь, – снова услужливо сказала официантка. – Может быть, вам что-то принести сразу?

– Два стейка из лосося, два молочных коктейля со сливками и счёт, пожалуйста, – улыбувшись, ответил Эрик.

В пятницу в ресторане всегда было шумно, а сегодня ещё, видимо, был чей-то корпоратив, полресторана было огорожено стульями, где уже весёленький народ начинал подпевать клипам на ТВ. «Отвратительно», – сама с собой ругнулась жена и ушла с головой в инстаграм. А Эрик просто сидел и смотрел по сторонам.

– Отвратительно! – снова ругнулась жена, попробовав ломтик на вид аппетитного рыбного стейка.

– А мне нормально, – выдвинул в защиту стейка Эрик, слегка пожав плечами. Хотя блюдо на самом деле было так себе. По пятницам тут всегда подавали суховатую рыбу. То ли из-за большого притока посетителей, то ли из-за того, что по пятницам люди больше пьют алкогольные напитки и становятся менее привередливыми в еде.

– Отвратительно! Ты опять не открыл дома окна? – ещё на пороге снова заругалась жена. – Сколько раз можно тебе повторять? Идёшь из дома – открывай окна для свежего воздуха. Почему тебе постоянно нужно всё напоминать? И что за пакет ты там за собой постоянно таскаешь? Я уже в ресторане его увидела, просто отвратительно. Таскаешься с этим пакетом как нищелюб, неужели нельзя в сумку положить свою хрень и ходить как нормальный человек?

– Там лампочка, – просто и элегантно ответил Эрик, ничуть не обращая внимания на настроение жены, за эти годы уже давным-давно привыкнув к её перепадам настроения. «Сейчас сделаю свет и всё, стану героем», а как ей за такой подвиг придётся расплачиваться, он уже давным-давно придумал. По правде говоря, об этом он сейчас только и думал.

Жена ходила из комнаты в комнату, открывая окна и впуская свежий воздух, а Эрик под наблюдением Зверя взял из коридора табуретку, купленную со скидкой в антикварном магазине с видом на набережную. Распаковал лампочку и кинул коробку вместе с пакетом на пол, живо посмотрев в дверной проём, не видела ли этого жена. И залез на табуретку с резными ножками, стал выкручивать старую лампочку. Но успел провернуть её лишь на полнитки резьбы, как ножка табуретки с треском обломилась. А спустя мгновение Эрик уже летел на пол спиной вниз, крепко сжимая так и не поставленную лампочку. С криками «Суукааа!»

Секундой позже раздался ещё один треск, но чего именно: шеи или итальянской раковины с рисунком лотоса, Эрик сказать не мог. Потому что уже лежал на полу. А перед глазами была лишь тьма.

Убежище

По временным ощущениям это было так, словно идёшь себе в холодную зимнюю пору по каким-нибудь своим многочисленным и, естественно, крайне важным делам по улице. Смотришь налево, смотришь направо, соблюдаешь правило светофоров, и тут хлоп, ты, поскользнувшись на льду, прикрытом снегом, лежишь на боку, кряхтя от боли. А в другое мгновение ты снова стоишь на ногах, испытывая чувство стыда, аккуратно поглядываешь по сторонам, чтобы выяснить, как много людей видело твоё фиаско. Вот именно столько времени по ощущениям прошло для Эрика с момента, как он потерял картинку. Но теперь зрение снова к нему возвращалось.

В глазах было совсем темно, виден был лишь желтый тусклый свет и мутная кирпичная стена по левую сторону.

– Ой-ёй. Вот это меня приложило. Но я в порядке. Не волнуйся, милая, – Эрик открыл глаза и, снова увидев совершенно не то, на что рассчитывал, повторился. – Я в порядке...

Это было обшарпанное помещение, сложенное из разнородного камня, примерно в 15 квадратных метров. Эрик определил это довольно точно, так как до смерти всей его семьи он с супругой жил в квартире именно с такой площадью. Слева, как он и определил в первый раз, была глухая стена. Справа идентичное помещение делила ржавая металлическая решетка, а в углу у другого конца глухой стены лежал какой-то человек. Но, кроме образной фигуры в углу, больше ничего разглядеть было невозможно. Тусклый свет из дыр в двери ложился едва у самого прохода.

Эрика сразу заинтересовала дверь, он повернулся к своему источнику света, и как у соседа, деревянная дверь закрывала большую часть тусклого свечения.

Быстро он подбежал к ней и стал разглядывать коридор, ведущий в обе стороны, освещаемый редкими факелами. Напротив его камеры стояла идентичная дверь, в дверные решётки которых так же, как и он, смотрело лицо девушки. Но как только их взгляды перекрестились и Эрик открыл рот, чтобы задать ей миллион вопросов, она заорала и скрылась из виду.

– Да, что за хрень тут происходит! – возмутился Эрик. – Где я? Что вам от меня нужно? Помогите, кто-нибудь, пожалуйста! – заорал он, барабанил в дверь кулаками, а затем взялся за дверную ручку и начал её трясти. Но дверь не колыхалась и на полмиллиметра, зато, когда он в истерических конвульсиях дернул за дверной засов, он с лёгкостью поддался, и дверь, несмотря на её внешний вид, поддалась и открылась с помощью усилия одного лишь пальца.

– О чёрт, о чёрт, – повторял он снова и снова, стоя у настежь открытой двери. – Это вот совсем ни разу не подозрительно, – слёзы сами собой полились ручейками вниз. Смахивая их со щёк, Эрик высунул голову в коридор и посмотрел по обе стороны. Ничего, чистый коридор по обе стороны с симметричными дверями, освещаемый факелами, ведущий дальше того, что мог он разглядеть.

Неожиданный страх поразил его, и размышления нахлынули одной волной. «Пойти туда, но это слишком просто. Что-то тут не так. Остаться в камере? – Эрик осмотрел ещё раз свой «пятизвёздочный номер» и не увидел ничего, кроме кучки грязных тряпок в углу. – Да, от ужина тут многого ждать не стоит. Сука, что происходит? – всхлипнув, вытер последние капли слёз и с силой захлопнул дверь, оставшись в камере. – Ну ладно, твари. Посмотрим!»

Эрик собрал в кучу все тряпки под свою пятую точку и уселся в самом углу своего номера, уставившись на спящего соседа. Глаза уже привыкли к темноте, так что теперь он отчётливо видел в углу спящего жиробаса. Он спал на спине, обутом в крестные кеды, в обычных синих джинсах и мешковатой майке с надписью «ПИВО – ЖИЗНЬ», с вываливающимся мерзким брюхом, поросшим чёрными волосами.

К счастью, пузан не заставил себя долго ждать и вскоре начал, постанывая, шевелиться. А затем, как и недавно Эрик, вскочил на ноги. Огляделся вокруг, но самого Эрика он не увидел. Его сразу заинтересовала дверь, в которую он в ту же секунду стал ломиться, орать и умолять выпустить его, а также просить прощения у Саши. Рыдая навзрыд, моля, кричал, что он не знал, сколько ему лет или ей лет. Эрик так и не понял, а тем временем безобразно ожиревший мужик добрался до той самой щеколды, на которую у него, как и у Эрика, запиралась дверь изнутри. Дверь легко распахнулась.

– Ну же, давай, жиртрест, не подведи! – громко подумал Эрик, сжав обе руки в кулаки.

И не подвёл его загадочный сосед. Не подвёл ни на секунду, так как дверь ещё не успела полностью распахнуться, как он уже был в общем коридоре, просочившись, как мышь в дыру в стене. И побежал, громко смеясь и задыхаясь, прочь от своей камеры.

Через зарешеченное окошко в двери мужчины видно не было. Но открыть дверь, чтобы высунуть голову, Эрик не решался. Особенно после того как увидел, как бледная девушка напротив тоже стоит у двери, высунув одно ухо в квадратное окошко, и слушает.

– Что она слушает? Слушает и шевелит губами. Она что-то считает? – анализируя, думал Эрик, всматриваясь в девушку, в её болезненно бледный, истощённый вид, не выпуская ни одного звука со стороны беглеца. – Боже мой, сколько она провела здесь времени?

Как вдруг ликующий, перевозбуждённый смех без какой-либо паузы или предупреждения сменился на крик. Крик такой боли, какой сложно себе представить, что человек способен на такой отчаянный и пронзительный крик. Только от этого звука тело Эрика словно временно пронзила тысяча раскалённых игл, смазанных горьким ядом. «Что могло доставить такую боль бедолаге?» – подумал Эрик, стоя в луже собственной мочи. А когда посмотрел на дверь напротив, там снова были видны лишь чёрные пустые квадраты. Девушка исчезла так же, как и появилась.

Трудно сказать, сколько ещё времени Эрик простоял у двери. Трудно вообще было хоть что-нибудь сказать. Эрик стоял, смотрел в окно. Пытался думать, пытался не думать, но, кажется, ни то, ни другое у него не получалось.

– Что такое тут происходит? – вздохнув, шепнул он и пошёл к себе в угол.

Шёл он долго, может, даже час. То останавливался, то делал шаг назад, то садился на корточки, зажимая уши руками, и, зажмурившись, кричал во всю мощь, а когда упёрся спиной о стену на сделанном ложе, истерично расхохотался.

– Знаешь, я всю жизнь жаловался, что наш мир полное говно, что в нём нет магии и всё такое, что там скука смертная. Знаешь, я, кажется, передумал, можно мне забрать свои слова обратно? Я передумал, я... – всё тише и тише повторял Эрик, поджав ноги, уже лёжа на полу в позе эмбриона. – Я передумал... – и уснул, в глубине души надеясь на то, что, очнувшись, увидит над собой испуганную жену, которая с заплаканными глазами будет трясти его за плечи. И когда она увидит его открытые глаза, то зарыдает ещё сильнее. А он ей скажет: «Всё в порядке, это всего лишь сон».

Но сном тут и не пахло вовсе. Открыв глаза, он всё ещё был там, где и вчера. Разве что сейчас не было так тихо. Сегодня его камеру заполняли крики из коридора множества людей. Сколько точно, трудно было сказать. Там были мужские и женские крики, но ни один из них не играл на страхе Эрика как детский вопль, просящийся к маме.

Спросонья Эрик даже не сразу понял, что камера по соседству была снова обитаемой. По ней в этот раз кругами бегала молодая девушка в шикарном наряде и красиво уложенными волосами. Она металась по кругу, махая руками, и что-то постоянно орала на незнакомом языке. Что раздражало Эрика ещё сильнее.

В конце концов Эрик больше не выдержал и, подойдя к решетке, крикнул ей:

– Эй, дура, ты чё орёшь?

Девушка, явно не ожидая, что она не одна, взвизгнув, отскочила к дальней стене и молча прижалась к ней спиной. К несчастью для Эрика, она быстро поняла, что он находится по другую сторону решётки и не может ей причинить вреда, и снова начала орать. И в этот раз на самого Эрика, словно он её сюда затащил и держит её без согласия.

– Твою ж мать! – выругался Эрик, стукнув головой о металлические прутья. – Дверь открыта, дебилка, – сказал он, показав пальцем на дверь.

Девушка, естественно, ни слова не поняла из того, что сказал ей Эрик, и стала ещё громче и яростнее на него орать и швыряться в него тряпками, валявшимися у неё под ногами.

Конечно, тут он ей был даже благодарен и быстренько забрал себе всё, что так мило она в него запулила, а когда он пошёл в свой угол с новыми вещичками, заметил, что бледнокожая соседка напротив высунула свой тонкий нос на исхудалом лице и корчит кривую, мерзкую улыбку. Явно радуясь тому, что у него сейчас жизнь хуже, чем у неё.

– Говно, ненавижу. Да заткнись ты, тварь тупая! – заорал он сам как ненормальный и кинулся снова к решеткам. – Дверь открыта, тварина ты безмозглая, иди туда и там ори.

Странно, но на этот раз она посмотрела в сторону двери так, словно её до этого момента не видела. И живо побежала к ней, не обращая на Эрика ни малейшего внимания. Побарабанила в дверь ладошками, затем отдернула затвор. Дверь покорно распахнулась, и та так засмеялась, словно на балу один из её ухажеров рассказал ей смешную шутку. Затем она грациозно выпрямилась и, поправив свой золотистый локон за ухо, неумело плюнула в Эрика. И помахав ему правой утончённой ручкой с тонким надрезом вдоль запястья, скрылась из виду, где вскоре издала свой последний вопль или проклятие. Эрик не знал, что она там постоянно орала. Главное, что её он больше не увидит и не услышит. Никогда.

Крики за дверью тоже прекратились, и наступила неестественная тишина, в которой стали рождаться собственные до жути пугающие мысли.

«Ладно, надо себя чем-то занять, а то и есть как-то хочется», – с тревогой о том, что в этой гостинице питание не предусмотрено, подумал он. И начал с того, с чего во всех непонятных ситуациях начинала его жена – с уборки, а в этом доме стены, видимо, ещё ни разу за свою историю не видели хозяйственной женщины. Но это было лишь на первый взгляд. В процессе уборки всё оказалось куда хуже. По углам всюду валялись зубы, в стенах тут и там между камнями Эрик вытаскивал чьи-то ногти. Да и сами стены были все липкие не пойми от чего. Тут как раз и пригодились ему так мило подаренные тряпки шикарной мадам. Которые он потом любезно выкинул обратно в соседнее помещение.

После уборки, на которую он убил целых два дня, уютнее не стало, разве что чуть-чуть. Но на два дня он занял себя и прожил ещё два дня, а за это время он мимолётно успел познакомиться и попрощаться ещё с двумя соседями.

– Пожалуйста, дайте воды. Я вас умоляю. Воды, еды... – так прошёл ещё один день. Крича, стоя у зарешеченного окошка, но никто не пришёл.

– Я здесь умру, о Боже. Сука, я не хочу умирать, – без устали рыдал Эрик в своём углу. Но слёз на его глазах не было.

– Кто здесь? Пожалуйста, отзовитесь. Умоляю вас, помогите мне, – раздался вдруг голос за его спиной.

Эрик обернулся. Силы уже покидали его тело, а жажда иссушила рот и язык настолько, что он не смог бы ответить, даже если бы сильно того пожелал. Но всё же он развернулся от стены.

Перед ним у самой решётки стоял мужчина лет сорока, насколько можно было судить в тех условиях. Одет он был, что называется, с иголочки. Костюм, запонки, и даже в полумраке было отчётливо видно его идеально начищенные сапоги дороже, чем у многих квартальная зарплата. В обществе, когда на такого человека смотришь, даже мысль пробегает, что он и гадит баблом.

– Эй. Я вижу тебя. Я вижу, что ты жив. Помоги мне развязать руки, и вместе мы выберемся, я обещаю помочь тебе. Ты только развяжи их, и больше в твоей жизни проблем не будет, обещаю. Ты меня понимаешь? Так как, мы договорились? – блеснув улыбкой, мужчина повернулся к нему спиной и показал свои руки, связанные обычным проводом от телевизора или, может, от тостера за три евро. Шнур явно не сочетался с запонками, усыпанными бриллиантами.

– Спасибо, я не умру. Боже, спасибо тебе, – бормоча, пополз к нему Эрик, прихватив из тряпок кожаный ремень, который давно присмотрел для себя. «Уж лучше повеситься здесь, чем идти туда», – думал он об этом всё чаще и чаще.

– Да, да, конечно, парень. Всё будет хорошо. Я обещаю, ты только освободи мне руки, – идеальным тоном повторил мужчина и, присев на корточки, просунул между прутьями свои руки, растопылив пальцы в разные стороны.

Эрик встал за ним на колени. Без спешки обмотал один конец ремня вокруг правой руки, затем просунул его между железным прутком и шеей мужчины и сделал виток ремня вокруг левой руки. А «толстосум» сидел, как мышонок перед змеей, сидел и всё видел, всё чувствовал. Наверное, даже всё понимал, но по каким-то непонятным причинам сидел и не шевелился.

– Эй, парень... – Но в этот момент Эрик натянул ремень, что было мочи упревшись своим грязным коленом в дорожный выглаженный пиджак, а через минуту Эрик разорвал его шею зубами и жадно пил бившую фонтанчиком, словно из родника, кровь. Это было мерзко во всех смыслах этого слова, но жить чертовски хотелось.

Напившись, Эрик всеми силами держал себя в руках, чтобы его не стошнило, а когда ему полегчало, принялся отдиравать у трупа руки и ноги. «Про запас. Это про запас», – слегка потеряв контроль над собой, нудел он. А потом он снова уснул. Прямо посреди своей камеры в обнимку с какой-то из ног.

Проспал дня два, не меньше. По соседству никого не было, как и останков. Но собранные с таким трудом части по-прежнему оставались у него. Отчего он с облегчением вздохнул и, прихватив с собой руку, подошел к окошку.

Прямо напротив его двери сидела собака. Увидев Эрика, она оскалила зубы, хотя, быть может, она просто улыбнулась. Из-за отсутствия половины верхней и нижней губы было крайне сложно определить её эмоций. Чего нельзя было ошибочно предположить об Эрике. Его и без того бледный вид стал ещё более заметно бледным при виде до мяса изодранной псины рядом с его дверью, с жуткими клыками, в полметра ростом.

– Даа, видимо, придётся сырое мясо на ужин есть. Собачка, ты мне позволишь взять факел из коридора? – ласково спросил Эрик. Но псина не сдвинулась с места, не моргнула и глазом. Хотя Эрик не мог разглядеть, есть у неё веки или нет.

– Нет, не пустишь? Печалька. А если я с тобой поделюсь обедом? Или ужином? Кстати, не подскажешь, что сейчас – день, вечер? Не люблю на ночь наедаться, потом сны тяжелые снятся. А ты как к этому относишься?

Собака не шелохнулась.

– Ну да. Вот, держи, – и Эрик кинул ей кусок мяса, который она охотно проглотила и снова села на своё место.

– Хороший пёсик. Ты просто... эм, ты просто красавчик. Да, да, именно красавчик, – подмазывал Эрик жуткую псину, похожую на давно уже разложившийся труп, ещё одним свежим куском мяса. – Нравится человечинка, да? А вот если изжарить мясо на медленном огне и приправить щепоткой базилика, я тебя уверяю, ты просто проглотишь свой язык. Не хочешь попробовать? Ну, базилика у тебя, скорее всего, не найдётся, но что насчёт того, чтобы я быстро взял факел и вернулся обратно к себе в этот прекрасный номер?

Видимо, услышав разговоры напротив, бледнолицая девушка тоже показалась в своём окне. А псина, посмотрев на неё, развернула свою голову, как сова, и неспеша ушла с глаз.

– Ты тупорылая тварь! Ты какого чёрта сюда вылезла! – брызжа слюной, заорал на неё Эрик. – У меня только контакт наладился с псиной, и тут ты свою рожу вытащила на свет. Ты всё испортила!

Девушка с впавшими чёрными глазами только рассмеялась. Громко и звонко, и смеялась она, стоя у двери, сутки как минимум, а когда Эрик показывался в своём окне, чтобы одарить её парой-тройкой «ласковых» слов, она плевала в его сторону красной от крови слюной. Видимо, тоже, как и Эрик, нашла способ выживания в этих условиях. И пару раз даже попадала в него, отчего Эрик бесился ещё сильнее и плевал в неё в ответ. Но так ни разу и не попал, что злило его ещё сильнее.

И так шли дни, дни сменялись неделями. Соседи тоже менялись чуть ли не каждый день. Кто-то погибал в первый день, кто-то на второй. Кто в коридоре, но многие – от рук Эрика, пополняя его запасы, которые он всегда делил на три кучи. Одна ему, одна на чёрный день и

третья была для собаки, которая, как оказалось, была просто ненасытная прорва и съедала всё и в любых количествах, что давал ей Эрик.

Отношения с Тварью (Тварью он назвал свою постоянную соседку, живущую напротив) с каждым днём ухудшались. Теперь они затачивали кости и кидали друг в друга в надежде смертельно ранить или покалечить. Конечно, желаемого результата это не приносило никому, кости только пугающе бились о дверь или отскакивали от железных прутьев. Тут польза была только для псины, она всегда с радостью подбегала и разом съедала кость любого размера. А затем снова пряталась вне видимости Эрика.

Плеваться так и не перестали. Бывало, Эрик часами сидел под дверью с полным ртом слюны, выжидая, пока эта Тварь выглянет в окошко послушать, как в очередной раз разрывают на кусочки эти мрачные псы какого-нибудь бедолагу. Но Эрик так в этом и не преуспел, что нельзя было сказать о Тварюге. Она всё чаще и чаще попадала своей слюной ему в лицо.

А два месяца спустя, после того как Эрик стал вести счёт дням, делая зарубку на стене каждый раз, как просыпался... Хотя спал он, бывало, по два раза на дню, как он сам думал, а иногда ни разу. Тут по двум причинам: Тварь могла без устали орать и смеяться, или люди, жившие по обе стороны коридора, разом, видимо, сходили с ума и все начинали покидать свои убежища. В такие дни крики и мольбы могли длиться сутками. Кстати говоря, такие дни были единственным временем, когда Эрик с бледнолицей соседкой мысленно заключали перемирие и могли часами напролёт стоять друг напротив друга и наблюдать, словно пялясь в телевизор, за бегущими туда-сюда людьми, ни разу не оскорбив и не плюнув в чужую сторону. Но когда гам стихал, их вражда каждый раз вспыхивала вновь...

Таким образом, точность Эрика могла здорово отклоняться от действительности, но вот в этот день, когда Эрик, как обычно, кормил своего питомца, он случайно отвлёкся на шум из «убежища» соседки. Шум был похож на то, что её жертва дала ей отпор и теперь уже её ужин избивал её и хотел сожрать её сам.

– О, да, пожалуйста, Боже. Сделай так, чтобы она сдохла! – подумал он про себя, крепко зажмурив глаза, забыв о руке с мясом за решёткой и псине.

И в следующий миг у него внутри словно что-то оборвалось, когда он на своей руке почувствовал холодный, скользкий язык животного.

Эрик открыл глаза и увидел перед собой довольную морду псины, стоявшей на задних лапах. Увидев, что Эрик смотрит на неё, она ещё раз лизнула его руку, но мясо без разрешения не взяла.

Эрик аккуратно положил кусок ей в пасть и погладил её за ушком, а у самого навернулись слёзы на глаза.

– Боже, спасибо, я наконец свободен. И теперь я смогу идти домой к своей красотке, – сказал он с такой уверенностью в сердце, словно ему только что дали настоящий документ с подписью и печатью об амнистии.

Остров

Не зная, зачем и почему, но Эрик переоделся в те лохмотья, которые всё это время служили ему матрасом. Это, как оказалось, были чёрные штаны с дырами и потёртостями до колен. Бесформенная серая рубашка, что была ему на размер больше, и чёрный пиджак с потёртыми манжетами. Но в целом оказалось совсем неплохо, по крайней мере гораздо теплее, чем в его ещё домашней майке и спортивных, которые уже давным-давно поиздержались и потеряли свой первоначальный цвет.

– Ну всё, я готов, – сказал он громко и уверенно, скормив псине последний кусок мяса из кучки «на чёрный день», и решительно открыл перед собой дверь.

Псина от удивления встала на свои четыре лапки и с удивлением вытаращилась на Эрика, который впервые открыл дверь. Но пока что сам выходить за порог не решался. Тонкая тень сомнения проскользнула у него в голове, но он смело шагнул за порог и громко захлопнул дверь за собой. Теперь уже тень сомнения пролетела у псины, но Эрик, опередив её выбор, сел перед ней на колени, обхватил её голову своими руками. Стал чесать ей за ушами, а потом с силой и против её воли подтащил ближе к себе и, повалив на спину, стал чесать её брюшко.

– Хороший, хороший мальчик. Кто тут хороший мальчик? Ну конечно, ты...

На необычное, довольное урчание псины, какого ещё никогда не слышала в этих стенах за все года, его соседка от любопытства бросила свои рутинные дела и высунула свой длинный нос в окошко.

Увидев столь ненавистную рожу, Эрик слегка расстроился, так как бессонной ночью тихо фантазировал, как там её обглаживает очередной бедолага. Но эти мысли быстро улетучились и на место им пришли другие, где он сидит дома в своём кресле и смотрит на широко разросшийся каштан. Как он мечтал снова увидеть это каштановое дерево, перед которым во тьме он часто извинялся за то, что так часто мечтал его погубить. Теперь же он всё бы отдал, лишь бы снова его увидеть. И, смотря на него, попивая душистый чай, приготовленный с любовью его прекрасной женой, думать о том, как эта чёртова длинноносая тварь томится здесь, в темнице, без божьего света и чая.

Картина, где Эрик играет с псиной, отражалась недовольной гримасой на лице.

«Да, это стоит всех денег мира», – подумал Эрик, и его расстройство сменилось на счастье. На самое обыкновенное счастье, когда физиономия расплывается в неконтролируемой глупой улыбке и хочется вести себя как дитя.

Эрик встал, вытянул свою руку с неприличным жестом прямо ей в лицо и грациозно, медленным шагом подошёл к ней и плюнул. Она не отвернулась и не прикрылась. Его сопли попали прямо в её проклятый нос. Ох, как сладка была месть, это был его триумф, его величайшая победа, и полный ликования Эрик, ещё раз взглянув в её омерзительные впалые глаза на бледной коже, пошёл вдаль по коридору налево.

Псина следовала за ним по пятам, а люди по обе стороны кричали ему что-то вслед на незнакомых языках из своих убежищ, но ни один выйти не решался. И спустя час ходьбы в конце слабо освещённого факелами коридора появился свет. Тусклый, серый, но определённо свет не от огня или лампы, Это был свет, какой падает на землю в обычный пасмурный день.

В конце коридора Эрика ждало небольшое разочарование. Конечно, он думал, что каждый шаг к свету приближал его к любящим объятиям жены. Видел перед глазами, как баюкает своего преданного шпица, и готов был полностью вернуться в свою беззаботную жизнь. Однако в конце «светлого туннеля» Эрик оказался на маленьком балкончике из красного кирпича посреди идеально цилиндрической впадины и винтовой лестницы из того же кирпича, ведущие в оба конца: одна – в бездну, другая, казалось, вела прямо к густо затянутому серому небу. Выбор был очевиден, а конец пути казался ему гораздо ближе, чем оказался на самом деле.

Спустя час интенсивного бега вверх по лестнице Эрик впервые присел отдохнуть, свесив свои босые ноги над пропастью. Его балкон был всё ещё виден. Было видно, как стоя облезлых, с выдранными клочьями мяса псин за ноги вытащила на балкончик женщину в шикарном зелёном платье и потащила её вниз. В бездну.

– Да, такие дела, – вздохнул он и от страха подпрыгнул на ноги, услышав, как рядом клацнули чьи-то челюсти.

Рядом, облизываясь, сидела псина и жадно смотрела вниз на исчезающую во тьме девушку в зелёном.

– Прив-ет, – испуганным голосом поздоровался Эрик, надеясь больше не увидеть рядом с собой это животное. Но псина была всё ещё тут и следовала по пятам, не отходя ни на шаг.

Первое время было снова страшно, казалось, что она сейчас вцепится в ногу и потащит его вниз, где непременно к ней присоединятся её братья и сёстры. И от него самого не останется ни следа. Но на третьи сутки восхождения вверх это чувство совершенно растворилось опять в чувстве голода и жажды.

– Лети, мой юный друг, через бескрайний океан, и когда силы покинут тебя, это будет означать то, что ты уже на полпути. А силы меня покинули уже печаль как давно, а значит, мы с тобой уже в конце пути, – в бреду рассказывал он псине, – а там, дома, я тебе обещаю, заведу собаку. И назову как тебя. Кстати, а как тебя зовут? Точно, у тебя же нет имени, извини, дружок, сейчас мы это дело поправим.

Но, шагая вверх ещё часа три-четыре, он так и не придумал ни одного достойного имени. И тут вдруг, поднимаясь на автомате, нога словно провалилась в бездну, не почувствовав под собой ступеньки.

Эрик сфокусировал взгляд перед собой. Ступеньки из красного кирпича действительно закончились. Он посмотрел на небо, которое было всё так же непостижимо. Посмотрел снова под ноги, удостоверившись ещё раз в том, что ступеньки закончились и он не вознёсся на небеса, не оказался дома, рядом с женой... В истерике стал бегать вокруг бездны по всё ещё аккуратно уложенной дорожке из кирпича.

– Это остров, сука, это остров!!! Это полная жопа, ну в какой же я заднице, – упав на колени, рыдал Эрик. – Я здесь сдохну, Боже, не дай мне тут помереть, я не хочу. Боже, я не хочу, – веки его стали тяжелеть, и Эрик, забившись в уголок, уснул крепким сном.

Ему снилось, как он сидит дома в своём кресле. Тут и Зверь прыгнул ему на колени и, как обычно, стал долго утрамбовываться в поисках идеального положения для сна. Жена в нарядном новом платье с кружевом в районе декольте поднесла ему чашечку горячего кофе и поцеловала его в щёку. Потом лизнула его и стала целовать ухо. Настоячиво, даже слишком настойчиво, оставляя после себя много холодной слюны.

– Да, я тоже тебя люблю. Ну хватит уже, хватит, – забурчал Эрик, хихикая, отгоняя жену руками, а когда посмотрел на неё, увидел лишь ту самую псину на фоне красных кирпичей, и он тут же проснулся.

– Ну что ты за животное такое, а? Мне такой сон снился! Ни стыда ни совести у тебя нет, – тяжело вздохнув, погладил Эрик псину по голове. – Спасибо. Большое спасибо, я бы, наверно, никогда не проснулся. Уж слишком хорош был сон.

Эрик поднялся, оглядел идеально круглый остров, в центре которого он находился. Ещё раз вздохнул. – А вот это точно не сон, пора выбираться нам. Поехали, коняшка, я точно теперь уверен, что дом там, за горизонтом, – и тут Эрик резко обернулся к псине и воскликнул: – Я знаю, как тебя назвать! Отныне и навсегда нарекаю тебя Конём! – и, грациозно взмахнув рукой, положил её на голову собаки, которая впервые за всё это время издала какой-то звук. И вряд ли он был одобрительным, но Эрик этого даже не заметил. Он снова стал ходить по кругу пропасти, выискивая слабые места острова, обдумывая план, как свалить с него побыстрее и подальше.

Ландшафт был тот ещё: чёрный вулканический камень простирался от бездны, из которой выполз Эрик, и до самого морского берега, истыканного острыми пиками вокруг всего острова. С десятком-другим усохших деревьев, раскинутых по всему острову.

– Супер, и какого хрена мне теперь делать?

Но ответ не заставил себя долго ждать. Вдали, у самого берега, вдруг загорелся маленький огонёк.

– Вот и славненько, нам туда. Пошли, Коняшь, я голоден, – и с этой фразой Эрик перепрыгнул бортик, отделяющий аккуратную брусчатку от недружелюбной вулканической поверхности острова.

Ноги сбились и кровоточили, оставляя за собой то тут, то там кровавые пятна на чёрном фоне. Изредка Эрику попадались небольшие лужицы с чистой пресной водой, что, несомненно, поддерживало в нём последний тлеющий уголёк самой жизни.

– Ну, Конь мой богатырский, может, довезёшь меня? Тут совсем чуток осталось, – изредка, лелея надежды, обнимал Эрик псину. Но та лишь фыркала, изворачиваясь и высвобождаясь от объятий, отбегала от него на пару метров. А Эрику ничего другого не оставалось делать, как просто продолжать свой путь.

Временами он даже начинал жалеть о том, что он здесь, а не в своём теперь казавшемся комфортабельным убежище. – А эта тварина сидит там, а я тут, – любил он побубнить по дороге, – сидит, греет свою жопу. Сытая, с запасами еды на месяцы вперёд. Какого хрена я поперся сюда. Ведь вот так каждый раз. Сука, каждый раз, как выйду из дома, так обязательно одно говно случается. То машина сойдёт, то бомж прицепится и начнёт бегать за мной и орать: «Щас обхаркаю тебя!» Зачем, зачем я всегда из дома выхожу? Дома безопасно, дома... – и замолчал, вспоминая, как он сюда попал. – Тварь, эта тварь во всём виновата! Если бы она меня так не бесила, я бы сидел сейчас в убежище. Тварь, я бы был в убежище. Ненавижу её, как же я её ненавижу!

А тем временем он подобрался, как оказалось, к пещере, где с наступлением ночи разгорался огонь, освещая вход, словно рот великана.

– Тсс, Коняшъ. Не спеши, мы же не знаем, что или кто там внутри. Так что будь осторожнее, ладно? – предупредил Эрик свою верную собаку, которая за это время уже стала хорошо понимать человеческий язык. И они вместе, пригнувшись к земле, по краю поползли внутрь.

По мере того как они продвигались вглубь пещеры, становилось всё жарче, а Эрик успел уже раза три поменять камень с большого на более большой, который нёс, как спортсмен своё ядро перед броском.

И наконец, завернув за угол, он увидел тот самый костёр высотой в два метра, что горел в центре огромного холла. Справа по стенке бежал тонкий ручеёк, образуя маленькое озеро, обросшее обильным сорняком.

– Пресная вода, – сразу подметил Эрик и хотел было кинуться к источнику, вдоволь напиться, как заметил за языками пламени чьи-то ноги. Точнее, грубо сшитые из кусков плотной кожи сапоги.

Эрик глянул на Коня. Тот тоже почувствовал чужой запах и оскалился. Теперь, проведя так много времени с этой удивительной собакой, Эрик точно знал, когда ему что-то нравится, а когда нет, и отсутствие верхней и нижней губы больше не мешало понять ему, когда Конь скалится, а когда, наоборот, улыбается.

Теперь оба они в полной боевой готовности стали медленным шагом обходить костёр, не выпуская сапоги из виду. Потом взору Эрика открылись штаны, затем и толстое пальто. Всё сшитое под один стиль, и сидело на вид удобно на взрослом, широком в плечах мужчине.

Эрик вдруг так обрадовался, что ему захотелось крикнуть этому бородатому, обросшему мужику: «Эй, Робинзон Крузо, привет!» Но что-то помешало ему, словно сказало: «Дружище, а ты уверен, что хочешь его разбудить?»

– И правда, – уже сам себе сказал Эрик, ещё раз осмотрев мужика под сто двадцать кило весом и в два метра ростом. И спал он на удобном диване из соломы. – Где он тут солому нашёл? Да и на вид он не выглядит изголодавшимся. Забьёт меня, ой забьёт. Это к бабке не ходи, – и Эрик сделал то, что должен был сделать опять или снова, чтобы выжить.

Он подошёл к его голове. Поднял обеими руками увесистый чёрный камень на вытянутые руки и, посмотрев на мирно спящего героя из его книг детства, со всей дури ударил его прямо в лоб. Череп бородатого дядьки с треском раскололся, а мозг кровавым месивом полился, впитываясь в жёлтую солому. Он умер мгновенно, даже не поняв, что случилось и почему, мечтая завтра уплыть с этого чёртова острова на построенном им плоту, который стоял прямо над

входом в пещеру. Это была его последняя ночь на этом берегу. Так оно и оказалось, вот только на плоту уплывёт кто-то другой.

Аккуратно расшнуровав сапоги, Эрик тут же накинул их себе на ноги и как есть, не зашнуровав, стал, шаркая, ходить туда-сюда.

– О да, о Боги, как удобно. Это так удобно, чёрт побери. Как же это удобно и даже тёпленькие. Ха-ха, они достались мне даже тёпленькими, – ликуя, смеялся Эрик. А собака уже с костью съела правую ступню и, облизавшись, откусила левую.

– Что же ты за зверь такой! Штаны не попорти. Тут не супермаркет тебе, других не найду, а тут холодно, если ты не заметил, – заругался Эрик, отгоняя собаку от трупa.

Та, отбежав на пару шагов, проглотила левую ступню и вытаращила свои белые без век глаза на Эрика, а когда он смотрел на неё, она резко переводила взгляд на еду, тем самым давая понять, что хочет ещё.

– Нет, ну серьёзно. Ты вот потерпеть никак не можешь? Я не ел так же давно, как и ты. И что теперь? Я же не психую.

Псина пошкрabала лапкой по каменному полу и подняла её вверх к самой груди. Эрик стянул штаны и пальтишко.

– Всё, приятного аппетита. Но руки оставь мне, – конечно, он подумал, что надо было бы меньшую часть еды отдавать Коню. Ведь сколько ещё времени ему понадобится на то, чтобы покинуть остров, он не знал, и когда подвернётся ему другая еда, тоже не знал. Однако держать псину в голоде он хотел меньше всего на свете, честно говоря, почему она всё ещё его самого не сожрала, он и понятия не имел. Но испытывать судьбу лишний раз всё равно не решался.

А бывший, как его назвал сам Эрик, «квартиросъёмщик» был очень чистоплотным, и это несмотря на его внешний вид и то, что сам он спал в сапогах на кровати. Всё вокруг костра было вылизано до миллиметра. Выдраено, вымыто, в стенах были выбиты полочки, на которых тоже в полнейшем порядке стояли всякие ракушки. Некоторые из особо крупных использовались в качестве горшков для цветов. Это конечно были сорняки, но сорняки с цветочками. Не такие, что росли вокруг пещерного водоёма. Во всяком случае, тут было тепло и комфортно.

Для Эрика эта была настоящая цивилизация, а когда возле костра он увидел целую выбитую из камня кастрюлю ухи, он и вовсе решил тут остаться навсегда. Так он и сказал своему Коню, пожирая суп при помощи руки и поварёшки, словно свин. Пещерный человек, одним словом. – Может, останемся тут навсегда, а, Конь? А что, тепло, уютно. Много жарчки. Мне тут нравится, – но ответа псины дожидаться не стал, снова с головой ушёл в кастрюлю с супом.

От пуза наевшись, Эрик громко сделал отрыжку, которая эхом разлетелась по всей пещере, и, сняв свои сапоги, завалился на постель. – Вот видишь, Коняш, как поступают цивилизованные люди? Они, бля, снимают свои сраные сапоги, когда ложатся спать в постель, – и Эрик уснул ещё до того, как его голова коснулась соломенного матраса.

На следующий день Эрик проснулся глубоко за полдень. Не раздирая глаз, добрёл до каменной кастрюли с супом и, изрядно нахлебав ухи, снова завалился спать. В этот раз уже суток на двое, не меньше. Тело, во всяком случае, затекло всё, и Эрик провалился еще с полчаса на каменном полу под кроватью, разминая руки и ноги.

– Я когда спал, то во сне придумал, что пора тебе, Конь, становиться более культурной собакой, и решил отдать тебе мясо. Но сперва прожарить его до хрустящей корочки. Уверю, ты будешь в восторге.

Его верный пёс поскулил и опустил голову, стоя на том самом месте, где Эрик оставил свою часть еды, то есть руки бывшего квартиросъёмщика.

– Ясно. Понятно, – неодобрительно покачал он головой, но ругаться на своего четырёхногого питомца не стал, и не потому, что иногда слегка сам побаивался его, а скорее потому, что решил – это честно. – Ну ладно, мне обновка, тебе еда. Я же тоже поел, в конце концов. – Псина завиляла хвостом и подошла поближе к Эрику, сунув свою голову ему под руку.

– Так, ладно, всё это, конечно, хорошо. Но нам надо с тобой найти то, как именно этот хрен ловил рыбу, и тогда сможем расслабиться, – сказал Эрик, потормошив уши животного, и, надев сапоги, пошёл наружу.

Теперь это было совершенно иначе. Эрику было тепло, уютно. Тело отдохнуло и больше не болело, а сам он выспался. Был бодр и полон энергии для освоения новой, казалось бы, неблагоприятной местности. Однако стоило ему подойти к берегу, как он увидел рыбу. Очень много ещё живой рыбы, беспомощно прыгавшей среди вулканических камней.

– Спасибочки, вот это барский подарок! – воскликнул Эрик и побежал собирать дары моря. Пока Эрик справился с двумя особо крупными рыбинами неизвестного типа, его Конь уже успел отведать штук так тридцать. Чудо-собака просто подбегала, хватала рыбу за хвост и, подбрасывая её в воздух, подымала и разевала пасть к небу. Таким образом, что летевшая рыбина любого размера просто залетала с головы в пасть псине, словно в бездонную бочку.

В пещеру Эрик вернулся сразу, как совладал со своей добычей. А там вычерпал прямо на землю остатки супа из кастрюли и, особо не заморачиваясь с мытьём, просто наносил в неё свежей воды и сунул под неё пару горящих палок из костра.

Вода закипала крайне быстро, несмотря на то что посуда была выбита из цельного камня с очень толстыми стенками. А когда вода вскипела, то закинул куски рыбы, почищенные на каменной поверхности, некогда используемой под стенд для особых камней разного типа и цвета, которые бестактно были сметены на пол одним махом руки. Теперь эта полка использовалась для чистки рыбы и крабов, коими берега этого острова тоже были богаты.

Через месяц бывший владелец этой пещеры вряд ли бы её узнал. Теперь это скорее было логово орков, чем человека, и пахло тоже, как логово орков. Сейчас на расстоянии полукилометра можно было унюхать зловоние, исходящее пещерой, и в пасмурный день вход в неё в виде рта великана теперь и пах запахом тысячи трупов, съеденных этим же каменным великаном.

– Я даже не знаю, Конь, что тебе сказать. Ну конечно, я мог бы закончить строить плот уже давным-давно. Но не знаю... Здесь комфортно, много жарчки, был бы интернет, я бы вообще никуда не спешил, – Эрик остановился и посмотрел на собаку. – Ну да, конечно, дома жена. Я чертовски её люблю, но ты же знаешь, что я не умею плавать. Стрёмно мне. Я знаю, ты мне уже говорил тысячу раз, что «страх режет глубже меча». Но я же делаю этот грёбанный плот, так что отстань. Лучше помоги мне тащить это бревно.

Эрик перестал болтать со своим верным питомцем и, поднатужившись, без слов принялся тянуть не бревно, а целое дерево. Правда, без листьев, всё скрюченное, но всё же оно будет лучшим приобретением для его плота. Поэтому он его и согласился тащить аж с самой дальней точки этого острова.

– А что это такое? – крикнул вдруг Эрик.

Собака сипло гавкнула, и они оба, бросив бревно, побежали к самому берегу.

От увиденного там ему сразу поплохело, что-то слева в груди больно кольнуло, а в голове всё вдруг поплыло. Казалось, сам остров вдруг ожил черепахой и по неизвестной причине стал кружиться по кругу, гоняясь за своим хвостом.

– Сука, о с...

Да, это была она. Женщина с бледной кожей и длинным тонким носом. Его бывшая соседка безмятежно качалась по волнам всего метрах в ста от берега и со знанием дела устанавливала парус на своём крепком, на вид надёжном плоту. Плот, который раза в три, не меньше, превосходил размеры плота Эрика. Даже с позитивным мышлением, что всё-таки он его когда-нибудь закончит, и тот не рассыпется на кусочки при первой же волне.

Дыхание Эрика участилось, а на глазу стал импульсивно дёргаться нерв, словно червячок. Но когда и она его заметила, что он там стоит на берегу, а она тут, вне его досягаемости... Эрик замер, казалось, даже перестал дышать, а сердце биться.

Как она смеялась! Как целый хор детей на весёлом утреннике смеется над клоуном. Клоуном не по профессии, а по призванию. А смеясь, выплюнула в его сторону столько слюны, что, казалось, само море поднялось по уровню. Но и этого ей было мало. Возможно, тогда, когда у неё пересохло во рту, или её ненависть к Эрику уже давно держала это в планах, никто не знает. Быть может, и она сама не знала, но, перестав посылать плевков за плевком в сторону Эрика, она вдруг выпрямилась и, высоко задрав свою юбку, стала стоя мочиться прямо на его глазах. Моча попадала на плот в воду и даже на неё саму. Но её это никак не волновало, она отвела свою душу по полной. Разрядилась, выплеснула весь гнев и ненависть на «этого подонка», и когда она закончила, она просто развернулась к нему спиной, поправила парус и, поймав попутный ветер, грациозно оставила всё у себя за плечами.

Морской переход

Эрик стоял и смотрел на чёткий силуэт этой твари, потом на мутное серое пятно. Затем на точку на горизонте. Стоял и смотрел даже тогда, когда эта точка уже давным-давно растворилась в воздухе. Он молился и умолял, как мог и кого только мог, чтоб этот плот потонул или его проглотил Моби Дик. Но ничего с ним, точнее с ней, не произошло, и она просто уплыла. Он с этим ничего не мог поделать. Она уплыла, а он нет. В его голове промелькнуло всё – от самоубийства до жизни изгнанника на этом чёртовом острове.

Но собака отвлекла его от мрачных мыслей, ударив лапкой по его ноге.

– А, что? – собака резко вскочила на все четыре лапы и, рыча, стала резво бегать вокруг него.

– Ты прав, не время для соплей. Нам нужно закончить работу. Я эту тварь урою. Она ещё пожалеет о том, что вообще покинула своё убежище. – И с таким небогатым запасом проклятий и ненависти Эрик принялся за работу. Не так, как раньше: принёс палочку – перекурчик, а работал как сам чёрт, без усталости, сна и отдыха. Бывало, падал на тот самый плот от бессилия. Спал часа два и снова брался за работу, и так до тех самых пор, пока плот не стоял абсолютно готовый спуститься на тёмную гладь воды.

– Всё, плывём сейчас, – изнурённым тоном выдохнул Эрик, закрепив последним узлом парус, сшитый из тех же кусков кожи, что и его сапоги, его штаны и куртка, кусков кожи, что изредка вылетали из глубин пропасти этого острова. Но откуда они там берутся, Эрик никогда даже не задумывался, а просто хватал очередной кусок, найденный на земле, и совал его в карман.

– В хозяйстве всё пригодится, – говорил он псу.

Собака протестовала, облаивала его с головы до ног, рычала и не давала Эрику притронуться и пальцем к плоту.

– Да что ты за животное такое! Мне надо плыть. Да как же ты не понимаешь, там та тварь, мне нужно её найти. А ну брысь, вали в свою пропасть. Я больше тебя не люблю! Ну, пожалуйста, давай, ну миленькая. Коняшка моя, ну давай прекращай. Поплыли... – но ни на злость, ни на жалость и угрозы чудо-зверь никак не реагировал, кроме как лая и каждый раз клацая зубами воздух, прогонял все старания Эрика хоть как-то дотронуться до плота. Хоть мизинчиком.

В конце концов, Эрик сдался, хотя эта дискуссия и не заняла много времени. Эрик был обессилен, обезвожен, хотел есть и спать.

– Наверно, ты прав, Конь, сегодня мы не готовы к отплытию. Нам надо поесть и собрать чего-нибудь в дорогу. Ты как, проголодался?

Псина наконец сменила тон и завиляла хвостом.

– Ну конечно, ты голоден, а когда было иначе, – посмеявшись, покачал головой Эрик, и вместе они пошли в своё уже давно обжитое логово. Где, несмотря на все изобилия острова, уже давно была складирована рыба тремя кучами: «мне», «Коню» и «на чёрный день».

Эрик давно уже не обременял себя готовкой, ел рыбу так, сырой. Хотя нередко из-за этого ругал себя и свою лень. Всё под рукой – и рыба, и костёр, который так и горел по сей день. Несмотря на то что он ни разу в него не подкидывал дров, горел и всё. Так и надо, только бери, чисти рыбу и жарь её. Но зачем заморачиваться, если и так вкусно, а было бы так несъедобно, разве бы тогда это собака ела? Так и убеждал он себя каждый раз. И в этот раз тоже пришёл изнурённый и голодный. Обгрыз спинки двух крупных рыбин неизвестной породы, куда-то их откинул, как всегда, и завалился спать на диван, оставив сапоги греться у костра.

Собака, отведав с головой рыбин тридцать, прыгнула на кровать к Эрику, бесцеремонно подвинула его, забрав большую часть дивана, и тоже уснула.

С утра, а это именно было с утра, словно по будильнику, как на работу, а не как он привык просыпаться, где-то после обеда, Эрик вскочил на ноги, полон сил и энергии. Заскочил в свои сапоги и рванул бежать трусцой к плоту. Плот стоял на том же месте и в том же состоянии, в котором он его и оставил.

– Фух, ну и сон. Просто говно, – схватившись за сердце, выдохнул Эрик, не сводя глаз с плота. – Ладно, давай собираться в море, животное. – Эрик обернулся себе за спину, в одну сторону, в другую. Но его питомца нигде не было.

Что за жизнь была у этой собаки, всей в шрамах и с выдранными клочьями мяса, без губы и с порванным ухом, было страшно даже представить. Однако к комфорту и новому распорядку жизни вместе с Эриком она привыкла очень быстро. И сейчас, когда Эрик смотрел на неё, лежавшую поперёк кровати, было совершенно ясно, что она уже не спит и яро держит глаза закрытыми, чувствуя, что на неё смотрят.

Эрик улыбнулся, но подымать её с постели не стал. Ведь кто знает, как она перенесёт морской переход, а вдруг её будет укачивать, и сейчас она спит в последний раз до следующего берега. А когда будет этот следующий берег?

Эрик, поразмыслив ещё немножко, постоял около кровати и ушёл так же тихо, как и пришёл, оставив животное отдыхать. Дальше он перенес на плот всю свежую рыбу, что выкинуло на берег за последние пару дней, и только потом – запасы из пещеры. Правда, не много, так как плот не был уж таким большим, как у...

Тихо про себя позлившись, вспомнив об этой Твари и о том, на каком плоту она уплыла, Эрик всё-таки взял себя в руки и, цыкнув, ласково крикнул. – Эй, Коняшь, давай, эту рыбу можешь съесть и погнали. Нет времени, мы и так уже сильно отстали.

Его собака, услышав такое, уже была тут как тут, и Эрик, как всегда, просто стоял и, не веря своим глазам, смотрел и удивлялся тому, сколько и как быстро может съесть это животное.

Пока собака жадно пожирала три кучи рыбы, Эрик за два раза перетаскил в плот подготовленные заранее шесть плотно сшитых мешков из кожи с водой.

– Итак, двадцать, двадцать три литра воды. Есть. Надеюсь, хватит. Конечно, я планировал больше сшить мешков. Но что мне делать, Коняшь? У нас форс-мажор. Нет времени ходить и собирать кожу. Надо выдвигаться, верно говорю?

А кому это он говорил? Собака жадно доедала последнюю кучу «на чёрный день», и ей было абсолютно наплевать на болтовню Эрика. А доев, она одним разом облизала всю свою морду языком и довольным взглядом посмотрела на своего хозяина. Типа «ну всё, чё стоим, давай го го».

Хотя, возможно, это было лишь только в голове у Эрика. Но он всё равно ответил ей, что только её и ждёт, и вообще, что можно было и побыстрее есть. А собака ответила: как хочу, так и ем, я не раб, чтобы придерживаться каких-то временных рамок.

– Да, отлично, – уже вслух сказал Эрик и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, пошёл к выходу из пещеры. – Я тебя жду на плоту.

«Удивительно, но этого места мне будет не хватать», – подумал Эрик с полной уверенностью в том, что встав на тот берег, или там будет какой-то белый туман, но когда он до этого чего-то доберётся, то совершенно определённо очутится дома. Ещё раз посмотрел на вход в пещеру, разинутую пасть великана и, с неистовой яростью толкая, покати́л по брёвнам плот к воде.

Увлёкшись, даже не заметил, в какой момент он уже был по пояс в холодной воде, и, резво прыгнув, залез на плот, погладил целое ухо своего питомца. Подошёл и, не теряя времени, стал ставить парус.

Тут, конечно, ничего хорошего не вышло, а как иначе? Что может выйти хорошего, если все знания о плотах и парусах были из фильмов, сериалов и книг, совершенно не специализированных на парусах? В итоге Эрик скрестил две палки, что образовали крест, воткнул его в центр плота. Кое-как его закрепил кожаны́ми лентами и к трём сторонам креста хорошенько привязал свой парус.

Какое-то время ничего не происходило. Они просто медленно удалялись от острова по волнам, а затем, когда отплыли достаточно далеко, порыв ветра одним не очень и сильным рывком сорвал их парус вместе с мачтой: и положил его в метрах пяти от плота. Вся эта конструкция потонула быстрее, чем Эрик смог выразительно сказать: «Бля...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.